

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

В случае причинения вреда жизни и (или) здоровью гражданина требования о компенсации морального вреда могут быть заявлены родственниками и другими членами семьи этого гражданина, в том числе и опекуном, поскольку тот, принимая под опеку ребенка, фактически принимает на себя функции родителя, несет за ребенка ответственность, обязан его воспитывать, а ребенок становится членом семьи опекуна

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 8 июля 2019 г. № 56-КГПР19-7*

(Извлечение)

В. и Н. (действующий в своих интересах и в интересах несовершеннолетних Х. и Р.), Е. обратились в суд с иском к ОАО “РЖД” и СПАО “Ингосстрах” о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда в связи с причинением тяжкого вреда здоровью несовершеннолетней Х.

Как было установлено судом, Н. является дядей несовершеннолетней Х. и ее родного брата Р. и их опекуном, дети проживают в семье опекуна Н. и его супруги Е.

10 июня 2017 г. в результате наезда маневрового тепловоза, принадлежащего ОАО “РЖД”, Х. был причинен тяжкий вред здоровью, в связи с чем ей была установлена категория “ребенок-инвалид”. Инвалидность установлена на срок до 1 января 2019 г.

По факту нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта локомотивной бригадой маневрового

тепловоза, повлекшего по неосторожности травмирование и причинение тяжкого вреда здоровью несовершеннолетней Х., Приморским следственным отделом на транспорте Дальневосточного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации было возбуждено уголовное дело.

Впоследствии следователем Дальневосточного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении лиц, управлявших маневровым тепловозом, в связи с отсутствием в их действиях составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 263 УК РФ (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц), ст. 125 УК РФ (оставление в опасности).

Судом также установлено, что на момент транспортного происшествия ответственность ОАО “РЖД” за вред, причиненный жизни и здоровью граждан в результате транспортного происшествия при использовании инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования и железнодорожных путей необщего пользования, была застрахована по договору добровольного страхования гражданской ответственности от 14 сентября 2016 г., заключенному между ОАО “РЖД” (страхователем) и СПАО “Ингосстрах” (страховщиком).

Пунктом 3.3 указанного договора страхования определено, что страховая сумма составляет в том числе не более 300 000 руб. выгодоприобретателям в счет компенсации морального вреда при наступлении страхового случая.

Решением суда первой инстанции иски удовлетворены частично. В пользу несовершеннолетней Х. с СПАО «Ингосстрах» и ОАО «РЖД» взыскана денежная сумма компенсации морального вреда. С ОАО «РЖД» в пользу Н., Е. и Р. взыскана денежная компенсация морального вреда. В удовлетворении остальной части заявленных требований истцам отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено в части взыскания денежной компенсации морального вреда в пользу Н., Р. и Е. В отмененной части принято новое решение об отказе в удовлетворении этих исковых требований.

Разрешая спор и удовлетворяя иски, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что вред здоровью Х. был причинен источником повышенной опасности, и пришел к выводу о том, что с ОАО «РЖД» как владельца источника повышенной опасности независимо от его вины в пользу Х. подлежит взысканию денежная компенсация морального вреда. При этом суд первой инстанции указал на то, что положения пп. 1, 2 ст. 1083 ГК РФ, предусматривающие, что вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит, а при грубой неосторожности потерпевшего размер возмещения может быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, к спорным отношениям применены быть не могут, поскольку Х. в силу возраста не могла отдавать отчет своим действиям.

Поскольку гражданская ответственность ОАО «РЖД» застрахована по договору добровольного страхования гражданской ответственности, суд первой инстанции взыскал со страховщика СПАО «Ингосстрах» денежную компенсацию морального вреда в пользу Х. в пределах лимита, установленного этим договором, оставшуюся сумму компенсации морального вреда суд взыскал непосредственно с владельца источника повышенной опасности — ОАО «РЖД».

Удовлетворяя иски, суд первой инстанции (опекуна несовершеннолетней Х.), его супруги Е. и Р. (родного брата Х.) о компенсации морального вреда, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что им тоже были причинены нравственные страдания, вызванные тяжелой травмой близкого им человека — Х., которая в настоящее время требует к себе пристального внимания со стороны родственников, их любви и заботы. Суд первой инстанции также сослался на то, что опекун несовершеннолетней Х., его супруга, а также брат Х. испытывают стресс и переживания из-за случившегося, лишены возможности вести обычный образ жизни, в связи с физическим состоянием Х. изменилось качество и их жизни.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения исковых требований о взыскании суммы компенсации морального вреда в пользу Н., Р. и Е. и отказывая в удовлетворении этих требований, суд апелляционной инстанции, высказав суждение о том, что факт родственных

отношений сам по себе не является достаточным основанием для удовлетворения требований о компенсации морального вреда, пришел к выводу о том, что переживания Н., его супруги Е. и Р. за судьбу Х. и ее состояние здоровья производны от физических и нравственных страданий самой потерпевшей Х., в пользу которой определена компенсация морального вреда, а двойное взыскание в указанном случае закон не предусматривает.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 8 июля 2019 г. указала, что при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции были допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

К числу общепризнанных, основных, неотчуждаемых прав и свобод человека, подлежащих государственной защите, относятся прежде всего право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации) как основа человеческого существования, источник всех других основных прав и свобод, и право на охрану здоровья (ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации), которое также является высшим для человека благом, без которого могут утратить значение многие другие блага.

Согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Из изложенного следует, что государство должно защищать право граждан на жизнь и здоровье, обеспечивать его реализацию, уделяя надлежащее внимание вопросам предупреждения произвольного лишения жизни и здоровья, а также обязано принимать все разумные меры по борьбе с обстоятельствами, которые могут создать прямую угрозу жизни и здоровью граждан.

В соответствии с п. 1 ст. 150 ГК РФ жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

В соответствии с ч. 1 ст. 151 ГК РФ если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные нематериальные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации

морального вреда”, под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др.

Отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда (абз. 3 п. 4 названного постановления Пленума).

Исходя из приведенных нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по их применению, моральный вред — это нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, перечень которых законом не ограничен. В ст. 151 ГК РФ закреплены общие правила по компенсации морального вреда без указания случаев, когда допускается такая компенсация. Поскольку возможность денежной компенсации морального вреда обусловлена посягательством на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, само по себе отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда.

Как было установлено судом, требования о компенсации морального вреда были заявлены истцами, в том числе, в связи с тем, что лично им трагическим случаем также были причинены нравственные и физические страдания, выразившиеся в утрате здоровья близким им человеком (ребенком Х.), требующим постоянного ухода, и, как следствие, нарушено психологическое благополучие членов семьи, отсутствует возможность у самих истцов лично продолжать активную общественную жизнь, возникла необходимость нести

постоянную ответственность за состояние близкого человека, что привело в результате к нарушению неимущественного права на родственные и семейные связи.

В соответствии со ст. 63 СК РФ родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей.

Над детьми, оставшимися без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов в соответствии с главой 20 СК РФ и Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ “Об опеке и попечительстве” может устанавливаться опека или попечительство.

В силу абз. 1 п. 6 ст. 148¹ СК РФ опекун или попечитель ребенка имеет право и обязан воспитывать ребенка, находящегося под их опекой или попечительством, заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка.

Таким образом, принимая под опеку ребенка, опекун фактически принимает на себя функции родителя, несет за ребенка ответственность, обязан его воспитывать, заботиться о его физическом, психическом здоровье, духовном и нравственном развитии, т.е. ребенок фактически становится членом семьи опекуна.

Из нормативных положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, толкования положений Конвенции в соответствующих решениях Европейского Суда по правам человека в их взаимосвязи с нормами Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса РФ, положениями ст.ст. 150, 151 ГК РФ следует, что в случае причинения вреда жизни и (или) здоровью гражданина требования о компенсации морального вреда могут быть заявлены родственниками и другими членами семьи такого гражданина, поскольку, исходя из сложившихся семейных связей, характеризующихся близкими отношениями, духовным и эмоциональным родством между членами семьи, возможно причинение лично им (т.е. членам семьи) нравственных и физических страданий (морального вреда) в связи с причинением вреда здоровью их близкому родственнику, другому лицу, являющемуся членом семьи по иным основаниям (в частности, опека, попечительство).

Однако суд апелляционной инстанции неправильно истолковал и применил к спорным отношениям нормы материального права, регулирующие отношения по компенсации морального вреда, причиненного гражданину, вследствие чего пришел к ошибочному выводу о том, что взысканная судом первой инстанции в пользу Н., Р. и Е. сумма компенсации морального вреда является двойной компенсацией морального вреда, поскольку переживания истцов за судьбу Х. и ее состояние здоровья производны от физических и нравственных страданий самой потерпевшей Х.

Как установлено судом первой инстанции, травмирование несовершеннолетней Х. и причинение тяжкого вреда ее здоровью явилось причи-

ной нравственных и физических страданий ее дяди и одновременно ее опекуна Н., его супруги Е., в семье которых несовершеннолетняя Х. проживает вместе со своим младшим родным братом несовершеннолетним Р. Эти нравственные и физические страдания обусловлены заботой супругов Н. и Е., принявших на себя обязанности по воспитанию и содержанию детей, о несовершеннолетней Х., о состоянии ее здоровья, его восстановлении после полученных ею в результате транспортного происшествия на железной дороге травм, об обеспечении лечения и о ее адаптации к жизни с учетом состояния физического и психического здоровья после происшествия. Нравственные страдания младшего брата пострадавшей также обусловлены переживаниями за состояние сестры как самого близкого родственника.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, признав наличие родственных и семейных связей между несовершеннолетней Х. и ее опекуном Н., Е. и Р., не принял во внимание указанные обстоятельства и в нарушение приведенных норм материального права отказал во взыскании денежной компенсации морального вреда названным лицам, что противоречит приведенным нормативным положениям, регулирующим вопросы компенсации морального вреда, разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ по их применению.

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила апелляционное определение и оставила в силе решение суда первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Ликвидация стороны сделки не может являться основанием для прекращения производства по делу о признании указанной сделки недействительной, если требование, возникшее из данной сделки, было уступлено этой стороной (цедентом) третьему лицу (цессионарию). В таком случае надлежащим ответчиком по иску является цессионарий

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 302-ЭС18-8995(2)

(Извлечение)

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора оказания услуг, заключенного между должником и обществом, как мнимой сделки, совершенной с целью создания искусственной задолженности.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, производство по заявлению прекращено в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Суды исходили из того, что общество (цедент) уступило свои права по оспариваемому договору компании (цессионарий), в пользу которой долг был

взыскан решением арбитражного суда по другому делу, в процессе рассмотрения данного обособленного спора в суде первой инстанции общество (цедент) прекратило свою деятельность, это юридическое лицо исключено из Единого государственного реестра юридических лиц. Отказывая конкурсному управляющему в ходатайстве о привлечении компании к участию в деле в качестве ответчика, суд указал, что данное общество не являлось стороной договора оказания услуг.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 28 мая 2019 г. отменила названные судебные акты и направила обособленный спор в суд первой инстанции для рассмотрения по существу по следующим основаниям.

По общему правилу при ликвидации одной из сторон сделки спор о признании этой сделки недействительной не может быть рассмотрен судом и дело подлежит прекращению. Данное правило основано на объективной невозможности рассмотрения иска в ситуации, когда надлежащий ответчик утратил правоспособность и по этой причине не может защищаться против предъявленного требования.

Однако в рассматриваемом случае общество до своей ликвидации уступило по договору цессии право требования взыскания задолженности компании, которая через арбитражный суд взыскала долг с заказчика и включилась к нему с требованием в реестр.

Ликвидация цедента — стороны по оспариваемой сделке с должником не должна противопоставляться независимым кредиторам, арбитражному управляющему и препятствовать их праву на защиту от необоснованных притязаний. Иной подход нарушает баланс юридических возможностей заинтересованных лиц и применительно к процедурам банкротства повышает вероятность включения необоснованного требования правопреемника (цессионария) ввиду устранения одного из механизмов его проверки, что недопустимо. Компания, претендующая на получение исполнения по оспариваемой сделке и являющаяся конечным приобретателем требования к должнику, правоспособность не утратила. В такой ситуации именно она должна быть надлежащим ответчиком по спору о признании недействительной сделки, на которой основано его требование к должнику.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Оспариваемый частично п. 2 Правил исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2007 г. № 562, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 ноября 2019 г. № АКПИ19-773, вступившее в законную силу

2. Абзац 6 п. 6.1.3 Порядка проведения торгов в электронной форме по продаже имущества или предприятия должников в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 23 июля 2015 г. № 495, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 25 ноября 2019 г. № АКПИ19-735,
вступившее в законную силу*

3. Оспариваемый частично подп. 9.1.1 п. 9 Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение охотничьего или спортивного огнестрельного оружия с нарезным стволом и патронов к нему, утвержденного приказом Росгвардии от 26 июня 2018 г. № 222, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 26 ноября 2019 г. № АКПИ19-742,
вступившее в законную силу*

4. Пункты 146, 228, 232 Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденного приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 11 ноября 2019 г. № АКПИ19-697,
вступившее в законную силу*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Установленное Европейским Судом по правам человека нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с несправедливостью судебного разбирательства, выразившееся в том, что суды не осуществили надлежащей проверки доводов о возможной провокации со стороны сотрудников полиции при получении вещественного доказательств, послужило основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и отмены приговора

*Постановление Президиума Верховного Суда РФ
от 30 октября 2019 г. № 138-П19*

(Извлечение)

По приговору Тимирязевского районного суда г. Москвы от 22 сентября 2016 г. Б., осужденный 27 августа 2015 г. по ч. 1 ст. 228 УК РФ к лишению свободы сроком на один год условно с ис-

пытательным сроком на один год шесть месяцев, осужден по ч. 2 ст. 228 УК РФ к лишению свободы сроком на четыре года. На основании ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение по приговору от 27 августа 2015 г. отменено. В соответствии со ст. 70 УК РФ путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору от 27 августа 2015 г. окончательно Б. назначено четыре года шесть месяцев лишения свободы.

Б. признан виновным в незаконном хранении без цели сбыта психотропного вещества в крупном размере при следующих обстоятельствах.

В неустановленное время у неустановленного лица при неустановленных обстоятельствах Б. незаконно, с целью личного потребления, без цели сбыта приобрел порошкообразное вещество массой не менее 1,20 г, которое содержало в своем составе амфетамин и являлось психотропным веществом. Указанное вещество Б. незаконно хранил при себе в правом наружном кармане куртки до 20 часов 15 минут 17 февраля 2016 г., когда был задержан в подъезде дома сотрудниками правоохранительных органов. В ходе личного досмотра в период времени с 21 часа 25 минут до 21 часа 35 минут 17 февраля 2016 г. в присутствии понятых у Б. в правом кармане куртки были обнаружены и изъяты два полимерных пакета с амфетамином, общей массой 1,20 г.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 21 декабря 2016 г. приговор оставлен без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении Б. ввиду новых обстоятельств в связи с тем, что постановлением Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд) от 9 июля 2019 г. установлено нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) при производстве по уголовному делу.

Президиум Верховного Суда РФ 30 октября 2019 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Установленное Европейским Судом нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела согласно подп. “б” п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ является основанием для возобновления производства по уголовному делу в порядке, установленном главой 49 УПК РФ.

Европейский Суд 9 июля 2019 г. вынес постановление, в котором установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, указав следующее. Осуждение заявителя за хранение запрещенных веществ было основано, главным образом, на вещественных доказательствах, полученных сотрудниками полиции во время обыска, проведенного после задержания заявителя, в присутствии двух понятых. Обыск заявителя не был проведен немедленно после его задержания в 20 часов 15 минут 17 февраля 2016 г., а произошел более чем через час, в 21 час 36 минут в тот же день.

По мнению Европейского Суда, непроведение сотрудниками полиции обыска непосредственно после задержания без уважительной причины вызывает законные опасения о возможном “подбрасывании” вещественных доказательств. Заявитель находился под контролем полицейских в течение более чем часа. Данных о том, что имелись какие-либо особые обстоятельства, делавшие невозможным проведение обыска немедленно после задержания заявителя, не установлено. Европейский Суд отметил также тот факт, что задержание заявителя было частью спланированной операции против него, и неспособность полицейских обеспечить присутствие понятых на месте преступления не может служить оправданием задержки проведения обыска.

Кроме того, задержание заявителя не было сразу же задокументировано сотрудниками полиции. Заявитель был задержан сотрудниками полиции в 20 часов 15 минут 17 февраля 2016 г., официальный протокол задержания был составлен лишь 18 февраля 2016 г. Более того, интересы заявителя во время задержания и обыска не представлялись адвокатом.

Качество вещественных доказательств, на которых основан приговор в отношении заявителя, по мнению Европейского Суда, вызывает вопросы, а то, каким способом были получены эти доказательства, ставит под сомнение их достоверность. Заявитель поднимал вопрос о подлинности вещественных доказательств и законности их использования против него. Суды отклонили эти доводы, расценив их как попытку со стороны заявителя избежать уголовной ответственности. Вопрос о том, почему обыск заявителя не был проведен немедленно в месте его задержания, или о том, был ли обыск проведен в соответствии с процессуальными требованиями, судами не рассмотрен.

С учетом вышеизложенного Европейский Суд пришел к выводу о том, что тот способ, которым были получены вещественные доказательства, использованные в ходе судебного разбирательства по делу заявителя, а также нерассмотрение национальными судами его возражений и аргументов в отношении достоверности доказательств и их использования против него сделали судопроизводство несправедливым в целом.

Таким образом, Европейским Судом установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с несправедливостью судебного разбирательства, так как суды не осуществили надлежащей проверки доводов о возможной провокации со стороны сотрудников полиции в отношении Б. при получении вещественного доказательства.

По смыслу закона (ч. 1 ст. 413 и ч. 5 ст. 415 УПК РФ) Президиум Верховного Суда РФ принимает решение об отмене или изменении вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда в тех случаях, когда установленное Европейским Судом нарушение Конвенции позволяет сделать вывод о незаконности, необоснованности или несправедливости судебных решений.

На основании изложенного и руководствуясь ч. 5 ст. 415 УПК РФ, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств и отменил приговор суда и апелляционное определение в отношении Б.

Уголовное дело передано на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом суда. В отношении Б. избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

2. Квалификация преступления с формальным составом (ч. 1 ст. 292 УК РФ) не препятствует прекращению уголовного дела в соответствии со ст. 76² УК РФ, если лицом были приняты меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов личности, общества и государства

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 3 сентября 2019 г. № 117-УД19-4*

(Извлечение)

Органами предварительного расследования О. обвинялся в том, что, являясь должностным лицом — инспектором филиала ФКУ “Уголовно-исполнительная инспекция Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Крым и г. Севастополю”, с целью облегчения работы и улучшения показателей по службе внес в официальные документы, находящиеся в личном деле осужденного Д., злостно уклоняющегося от отбывания наказания в виде обязательных работ, заведомо ложные сведения об отбытии последним наказания, в связи с чем Д. был незаконно снят с учета.

По постановлению Гагаринского районного суда г. Севастополя от 5 июня 2018 г. уголовное дело в отношении О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, прекращено на основании ст. 25¹ УПК РФ в связи с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 15 тыс. рублей, и в соответствии со ст. 76² УК РФ он освобожден от уголовной ответственности.

В апелляционном порядке постановление суда не обжаловалось.

Президиум Севастопольского городского суда 17 апреля 2019 г. отменил постановление суда, уголовное дело в отношении О. направил на новое судебное рассмотрение.

В кассационной жалобе О. просил об отмене постановления суда кассационной инстанции, мотивируя свою просьбу тем, что законом не установлены исключения для применения ст. 76² УК РФ к преступлениям с формальным составом. Им принесены публичные извинения, он признал свою вину, уволился со службы, уплатил штраф.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 3 сентября 2019 г. удовлетворила жалобу О., указав в обоснование следующее.

Исходя из положений ст. 76² УК РФ и ч. 1 ст. 25¹ УПК РФ, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести,

может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 76² УК РФ, без участия в уголовном деле потерпевшего или при отсутствии причинения ущерба, возможно при условии, если после совершения преступления обвиняемый принял активные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов личности, общества и государства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 26 октября 2017 г. № 2257-О, различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, и предусмотренные ст. 76² УК РФ действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния.

Суд кассационной инстанции, рассмотрев уголовное дело по кассационному представлению, отменил решение суда первой инстанции, указав, что объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ, является нормальная деятельность публичного аппарата власти и управления в сфере обращения с официальными документами, а также охраняемые законом интересы граждан, организаций и государства. В материалах уголовного дела отсутствуют сведения о возмещении О. ущерба либо заглаживании иным образом вреда, причиненного преступлением. Принесение О. официальных извинений, признание вины, увольнение с занимаемой должности не являются основаниями для вывода о заглаживании им вреда, причиненного преступлением, и применения к нему с учетом изложенного положений ст. 76² УК РФ.

Между тем согласно разъяснениям, содержащимся в п. 2¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 “О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности”, в ст. 76² УК РФ под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д., а под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Судом первой инстанции установлено, что О., впервые совершивший преступление небольшой тяжести, свою вину полностью признал и раскаялся в содеянном, принес официальные извинения руководству Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Крым и г. Севастополю, уволен со службы по собственному желанию.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что О. приняты меры, направленные на заглаживание вреда и восстановление нарушенных в результате совершения им преступления законных интересов общества и государства.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума Севастопольского городского суда и оставила без изменения постановление Гагаринского районного суда г. Севастополя.

3. Лицо несет уголовную ответственность по ст. 242¹ УК РФ за хранение и распространение материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних только в том случае, если будет установлено, что хранение таких материалов или предметов осуществлялось в целях их распространения, публичной демонстрации или рекламирования, при этом лицо осознавало, что своими действиями распространяет указанные материалы или предметы

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 июля 2019 г. № 16-УД19-7

(Извлечение)

По приговору Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 16 февраля 2018 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) П. осужден по пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 242¹ УК РФ к четырем годам лишения свободы.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах. П. поместил в папку “Загрузки” своего компьютера скопированные с использованием сети “Интернет” и программы “S” видеофайлы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в том числе не достигших четырнадцатилетнего возраста, предоставив неограниченному количеству пользователей сети “Интернет” возможность беспрепятственно копировать указанные видеофайлы.

Президиум Волгоградского областного суда 5 декабря 2018 г. исключил из приговора указание на осуждение П. по пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 242¹ УК РФ (приобретение в целях распространения материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних) и смягчил наказание до трех лет десяти месяцев лишения свободы.

С учетом внесенных изменений П. признан виновным в хранении в целях распространения материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в том числе не достиг-

ших четырнадцатилетнего возраста, и в их распространении с использованием сети “Интернет”.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов П. оспаривал законность и обоснованность приговора, выражал несогласие с осуждением П. по пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 242¹ УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. отменила приговор и все последующие судебные решения в отношении П., прекратила уголовное дело в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его деянии состава преступления, признав за ним право на реабилитацию, мотивировав свое решение следующим.

Согласно ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

По данному уголовному делу такие нарушения закона допущены.

Согласно ст. 242¹ УК РФ хранение материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних должно совершаться с целью их последующего распространения, публичной демонстрации или рекламирования. Состав преступления отсутствует, если указанные материалы хранятся для личного просмотра.

Предусмотренное ст. 242¹ УК РФ распространение материалов может быть совершено только с прямым умыслом, когда виновный осознает, что он распространяет материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и желает этого.

Сославшись в приговоре на осведомленность П. о том, что скопированные им файлы порнографического содержания при помощи компьютерной программы могут быть скопированы и иными пользователями сети “Интернет”, имеющими доступ к программе “S”, суд не дал оценки тому обстоятельству, что, копируя и сохраняя файлы на своем персональном компьютере, сам П. никому их не предлагал и не передавал.

Доказательства, свидетельствующие о том, что видеофайлы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, указанные в обвинительном заключении и в приговоре, были распространены П., т.е. получены другими лицами в результате его целенаправленных действий, в материалах дела не содержатся и в приговоре не приведены. Данные файлы были скопированы из

сети “Интернет” выборочно сотрудниками правоохранительных органов по их запросу без участия в этом П. с помощью программы, установленной на их компьютере.

Из показаний сотрудника полиции С. усматривается, что сбор сведений о лицах, имеющих на своих компьютерах порнографические материалы с изображениями несовершеннолетних, производился сотрудниками полиции с помощью стандартных программ. Осуществив поиск, ими был установлен список пользователей, у которых на персональных компьютерах в свободном доступе имеются файлы обозначенной категории. Из нескольких IP-адресов и файлов, предлагаемых компьютерной программой, они выбрали IP-адрес П., получили доступ в хранилище его файлов, в котором находилось 154 файла в свободном доступе, из них выбрали два файла, которые, по их мнению, могли содержать порнографические материалы с изображениями несовершеннолетних, и загрузили данные файлы.

То обстоятельство, что П. было известно о сохранении скопированных на компьютер файлов в программе, позволяющей другим пользователям их копировать, не может свидетельствовать о его умысле на их распространение, поскольку на момент копирования им данных файлов они уже были распространены в сети “Интернет” и находились в свободном доступе.

Обнаружив материалы порнографического содержания в памяти компьютера, принадлежавшего П., органы предварительного следствия ограничились лишь двумя файлами, скопированными в ходе проведения указанного выше оперативно-розыскного мероприятия. Имелись ли на компьютере, а также на внешних носителях, принадлежавших П. и изъятых у него, и другие материалы аналогичного содержания и в каком количестве, не установлено.

Доводы П. о том, что он специально не занимался копированием файлов с порнографическими изображениями несовершеннолетних с целью их последующего распространения, не опровергнуты.

Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана, все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке Уголовно-процессуального кодекса РФ, толкуются в пользу обвиняемого.

ОБЗОР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19) № 2

В связи с возникшими у судов вопросами по применению законодательных изменений и мер, направленных на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирус-

ной инфекции (COVID-19), в целях обеспечения единообразного применения законодательства Верховный Суд РФ, руководствуясь п. 1 ч. 7 ст. 2 и п. 7 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля

2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, полагает необходимым дать разъяснения по следующим вопросам.

I. Общие вопросы

Вопрос 1. Применяются ли разъяснения, содержащиеся в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (далее — Обзор № 1), к дням, объявленным нерабочими в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. № 294?

Ответ. В соответствии с п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. № 294 установлены нерабочие дни с 6 по 8 мая 2020 г. включительно.

К указанным нерабочим дням применяются разъяснения, содержащиеся в Обзоре № 1, в том числе разъяснения по вопросам исчисления процессуальных сроков (вопросы 2 и 3), их восстановления (вопрос 4), исчисления сроков исполнения обязательств и исковой давности (вопрос 5), восстановления и приостановления сроков исковой давности (вопрос 6), восстановления сроков, предусмотренных законодательством о банкротстве (вопрос 11), исчисления сроков вступления в силу постановлений по делам об административных правонарушениях (вопрос 26).

II. Вопросы применения гражданского законодательства

Вопрос 2. Каковы особенности исполнения гражданином-должником кредитных договоров и договоров займа в период действия мер, направленных на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19)?

Ответ. Федеральным законом от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа” (далее — Закон № 106-ФЗ) установлены основания и порядок изменения условий кредитного договора (договора займа), в частности, по требованию заемщика — физического лица, которому кредит предоставлен не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, в отношении кредитного договора (договора займа), как обеспеченных, так и не обеспеченных ипотекой, заключенных до вступления в силу названного Закона.

Изменение условий кредитного договора для такого физического лица согласно ст. 6 Закона № 106-ФЗ заключается в приостановлении исполнения обязательств заемщика (льготный период) на срок, указанный в требовании заемщика, но не более чем на 6 месяцев, при условии обращения с этим требованием не позднее 30 сентября 2020 г.

Такое право на изменение условий кредитного договора предоставляется заемщику при одновременном наличии следующих условий: размер кредита не превышает максимальный размер кредита, установленный для таких случаев Правительством РФ; снижение дохода заемщика (совокупного дохода всех заемщиков) за месяц, предшествующий обращению заемщика с требованием к кредитору, более чем на 30% по сравнению со средним доходом за 2019 год; на момент обращения с требованием не действует льготный период, установленный в соответствии со ст. 6¹⁻¹ Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ “О потребительском кредите (займе)”.

Начало льготного периода устанавливается по указанию заемщика, но не ранее чем за 14 дней до даты обращения с требованием к кредитору; по кредитам (займам), обеспеченным ипотекой, — не ранее чем за месяц до даты обращения с требованием (ч. 4 ст. 6 Закона № 106-ФЗ); по потребительским кредитам (займам) с лимитом кредитования (кредитные карты) — не ранее даты обращения с таким требованием (ч. 28 ст. 6 Закона № 106-ФЗ).

Условие предоставления льготного периода в виде снижения дохода более чем на 30% предполагается, пока не доказано иное, однако кредитор вправе запросить у заемщика подтверждающие это условие документы. В случае непредоставления заемщиком документов в установленный законом срок или если представленные документы не подтверждают данное условие, кредитор направляет заемщику уведомление о непредоставлении льготного периода, с момента получения которого считается, что обязательства заемщика существуют в неизменном виде.

Вместо запроса документов у заемщика кредитор вправе самостоятельно запросить информацию у органов, указанных в Законе (чч. 7, 8, 29, 30 ст. 6 Закона № 106-ФЗ).

Условия льготного периода, в частности размер и порядок начисления процентов, порядок погашения основного долга и процентов, запрет начисления неустойки, штрафа, пени, обращения взыскания на предмет залога, предъявления требований к поручителю, досрочного востребования всей суммы займа и т.д., установлены Законом № 106-ФЗ.

Льготный период, установленный этим Законом, и льготный период, установленный в соответствии со ст. 6¹⁻¹ Федерального закона “О потребительском кредите (займе)”, при наличии соответствующих условий могут быть предоставлены одному и тому же заемщику в любой последовательности, однако не могут быть установлены одновременно.

Вне зависимости от наличия или отсутствия оснований для предоставления льготного периода, предусмотренного Законом № 106-ФЗ, и от того, воспользовался ли заемщик своим правом на изменение условий кредитного договора (договора займа) в соответствии с указанным Законом, заемщик может быть освобожден от ответственности на основании ст. 401 ГК РФ за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, если нарушение обязательства произошло не по его вине, в том числе если исполнение оказалось невозможным вследствие чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств, в том числе связанных с установленными ограничительными мерами (например, если заемщик не мог воспользоваться системой онлайн-платежей, а также не мог совершать платежи обычным способом).

Установление нерабочих дней Указами Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206, от 2 апреля 2020 г. № 239 и от 28 апреля 2020 г. № 294 не является основанием для применения положений ст. 193 ГК РФ.

Вместе с тем информационным письмом Банка России от 27 марта 2020 г. № ИН-03-31/32 “О сроке исполнения обязательств” со ссылкой на указанную норму закона было разъяснено, что в связи с изданием Указа Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 об объявлении нерабочих дней с 30 марта по 3 апреля 2020 г., если последний день срока исполнения заемщиком кредитной организации, некредитной финансовой организации обязательства, возникшего в связи с предоставлением кредита (займа), приходится на указанный период, днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день, а перенос срока исполнения обязательства на

ближайший следующий за рассматриваемым периодом рабочий день не может рассматриваться как нарушение сроков исполнения обязательств и, соответственно, не свидетельствует о возникновении просроченных платежей.

С учетом изложенного, принимая во внимание полномочия Банка России, а также то, что заемщики могли добросовестно полагаться на данное разъяснение, неуплата предусмотренных договором платежей по указанным выше кредитным договорам и договорам займа в период с 30 марта по 3 апреля 2020 г. просрочкой исполнения обязательств не является.

В связи с Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 Банк России в информации от 3 апреля 2020 г. “О работе финансовых организаций и обеспечении непрерывности в финансовом секторе Банком России в период с 4 по 30 апреля 2020 года” указал, что установление режима нерабочих дней с 4 апреля по 30 апреля включительно не распространяется на организации, предоставляющие финансовые услуги в части неотложных функций (в первую очередь услуги по расчетам и платежам). В связи с этим Банк России исходит из того, что обязательства по финансовым сделкам, срок исполнения которых приходится на нерабочие дни, должны исполняться должниками в срок, предусмотренный договором, а кредиторы, действуя добросовестно, будут учитывать фактические возможности должника по исполнению соответствующего обязательства, наличие или отсутствие в его распоряжении возможности дистанционного обслуживания, а при отсутствии такой возможности — также режим ограничительных мер, которые применяются в соответствующем субъекте Российской Федерации и могут повлиять на возможность клиента посетить офис финансовой организации для своевременного совершения операций.

Вопрос 3. С какого момента обязательства сторон договора аренды считаются измененными в части предоставления арендатору отсрочки уплаты арендной платы на основании ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций” (далее — Закон № 98-ФЗ)?

Ответ. Согласно ч. 1 ст. 19 Закона № 98-ФЗ в отношении договоров аренды недвижимого имущества, заключенных до принятия в 2020 году органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” (в редакции Закона № 98-ФЗ) решения о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации, в течение 30 дней со дня обращения арендатора соответствующего объекта недвижимого имущества арендодатель обязан заключить дополнительное соглашение, предусматривающее отсрочку уплаты арендной платы, предусмотренной в 2020 году. Требования к условиям и срокам такой отсрочки устанавливаются Правительством РФ.

Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 439 утверждены Требования к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества (далее — Требования).

Согласно п. 3 Требований отсрочка предоставляется на срок до 1 октября 2020 г. начиная с даты введения режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации.

Условия отсрочки, предусмотренные п. 3 Требований, применяются к дополнительным соглашениям к

договору аренды об отсрочке независимо от даты заключения такого соглашения (п. 4 Требований).

Таким образом, обязательства сторон договора аренды считаются измененными в части предоставления арендатору отсрочки уплаты арендной платы с даты введения режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации независимо от даты заключения дополнительного соглашения к договору аренды либо даты вступления в законную силу решения суда о понуждении арендодателя к заключению дополнительного соглашения к договору аренды.

Стороны договора аренды могут установить более ранний момент предоставления арендатору отсрочки уплаты арендной платы с учетом запрета ухудшения положения арендатора по сравнению с условиями, предусмотренными Требованиями (п. 6 Требований).

Кроме того, если арендатор не внес арендную плату в размере и сроки, установленные договором аренды, а арендодатель знал или не мог не знать об осуществлении арендатором деятельности в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, арендодатель информирует арендатора о наличии у него права на предоставление отсрочки в соответствии с Законом № 98-ФЗ (п. 3 ст. 307 ГК РФ). В отсутствие такого информирования арендодатель считается предоставившим арендатору отсрочку на условиях, установленных п. 3 Требований. Аналогичные последствия применяются в случае, если арендодатель необоснованно уклонился от заключения дополнительного соглашения или своим поведением дал арендатора основания полагать, что отсрочка будет предоставлена, либо не выдвигал возражений против выплаты арендатором арендной платы на условиях, установленных п. 3 Требований (ст. 10, п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Вопрос 4. Является ли достаточным основанием для предоставления арендатору недвижимого имущества отсрочки уплаты арендной платы на основании ч. 1 ст. 19 Закона № 98-ФЗ осуществление им деятельности в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции? Требуется ли в этом случае установление обстоятельств невозможности использования арендованного имущества по назначению?

Ответ. Частью 1 ст. 19 Закона № 98-ФЗ установлено, что в отношении договоров аренды недвижимого имущества, заключенных до принятия в 2020 году органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” (в редакции Закона № 98-ФЗ) решения о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации, в течение 30 дней со дня обращения арендатора соответствующего объекта недвижимого имущества арендодатель обязан заключить дополнительное соглашение, предусматривающее отсрочку уплаты арендной платы, предусмотренной в 2020 году. Требования к условиям и срокам такой отсрочки устанавливаются Правительством РФ.

Согласно п. 1 Требований данные Требования применяются к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы, предусмотренной в 2020 году за использование недвижимого имущества по договорам аренды недвижимого имущества, которые заключены до принятия в 2020 году органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии со ст. 11 Федерального закона “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного

и техногенного характера” решения о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации и арендаторами по которым являются организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции.

Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, утвержден постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434.

Отсрочка предоставляется в отношении недвижимого имущества, находящегося в государственной, муниципальной или частной собственности, за исключением жилых помещений (п. 2 Требований).

Таким образом, право на отсрочку уплаты арендной платы на основании ч. 1 ст. 19 Закона № 98-ФЗ и на условиях, указанных в п. 3 Требований, имеют организации и индивидуальные предприниматели — арендаторы недвижимого имущества, за исключением жилых помещений, по договорам аренды, заключенным до принятия органом государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации указанного в этой норме решения, которые осуществляют деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции.

Установление наличия иных дополнительных оснований или условий для предоставления отсрочки уплаты арендной платы в силу ч. 1 ст. 19 Закона № 98-ФЗ, в том числе невозможности пользоваться арендованным имуществом по назначению, в соответствии с положениями указанных правовых норм не требуется.

Вместе с тем если арендодателем будет доказано, что конкретный арендатор в действительности не пострадал и с очевидностью не пострадает в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, а его требованием являются проявлением заведомо недобросовестного поведения (например, в случае использования им объекта аренды вопреки установленным ограничительным мерам), суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения может отказать в защите принадлежащего арендатору права полностью или частично (п. 2 ст. 10 ГК РФ, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”).

Вопрос 5. С какого момента обязательства сторон договора аренды считаются измененными в части уменьшения размера арендной платы на основании ч. 3 ст. 19 Закона № 98-ФЗ?

Ответ. В соответствии с ч. 3 ст. 19 Закона № 98-ФЗ арендатор по договорам аренды недвижимого имущества вправе потребовать уменьшения арендной платы за период 2020 года в связи с невозможностью использования имущества, связанной с принятием органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” (в редакции Закона № 98-ФЗ) решения о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации.

Таким образом, арендная плата подлежит уменьшению с момента, когда наступила указанная невозможность использования имущества по изначально

согласованному назначению независимо от даты заключения дополнительного соглашения об уменьшении размера арендной платы либо даты вступления в законную силу решения суда о понуждении арендодателя к изменению договора аренды в части уменьшения арендной платы.

Кроме того, арендатор вправе в качестве возражения на иск о взыскании арендной платы указать на то, что арендодатель необоснованно уклонялся от заключения дополнительного соглашения об уменьшении арендной платы. В таком случае арендная плата подлежит взысканию в размере, определяемом с учетом требований ч. 3 ст. 19 Закона № 98-ФЗ, например, размер сниженной арендной платы может определяться с учетом размера, на который обычно снижается арендная плата в сложившейся ситуации.

Вопрос 6. Подлежат ли применению положения ст. 19 Закона № 98-ФЗ к договорам аренды части недвижимой вещи?

Ответ. Статьей 19 Закона № 98-ФЗ установлено специальное регулирование обязательств, возникших из договоров аренды недвижимого имущества, которые заключены до принятия в 2020 году органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии со ст. 11 Федерального закона “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера” (в редакции Закона № 98-ФЗ) решения о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 606 ГК РФ по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

В соответствии с п. 1 ст. 607 ГК РФ в аренду могут быть переданы вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи). В частности, объектом аренды могут быть недвижимые вещи, например, здания, сооружения, помещения.

Судам следует учитывать, что из системного толкования названных норм права (в том числе с учетом положений ст. 606 ГК РФ о возможности передачи объекта аренды только в пользование арендатора) следует, что стороны вправе заключить такой договор аренды, по которому в пользование арендатору предоставляется не вся недвижимая вещь в целом, а только ее отдельная часть (п. 9 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 30 ноября 2016 г., п. 25 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г.).

Закон № 98-ФЗ не содержит указания на то, что положения ст. 19 этого Закона распространяются только на договоры, по которым объектом аренды выступает недвижимая вещь в целом. Следовательно, они подлежат применению также и к договорам аренды части недвижимой вещи.

Вопрос 7. В отношении каких периодов просрочки в 2020 году не подлежит начислению неустойка в случае несвоевременной и (или) не полностью внесенной платы за жилое помещение и коммунальные услуги, взносов на капитальный ремонт, установленных жилищным законодательством Российской Федерации, а также за несвоевременное и (или) не полностью исполненное обязательство по оплате услуг, предоставляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о газоснабжении, электроэнергетике, теплоснабжении, водоснабжении и водоотведении?

Ответ. Статьей 18 Закона № 98-ФЗ установлено, что до 1 января 2021 г. Правительство РФ вправе устанавливать особенности начисления и уплаты пени в случае несвоевременной и (или) не полностью внесенной платы за жилое помещение и коммунальные услуги, взносов на капитальный ремонт, установленных жилищным законодательством Российской Федерации, а также взыскания неустойки (штрафа, пени).

Во исполнение указанной нормы Правительством РФ принято постановление от 2 апреля 2020 г. № 424 “Об особенностях предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов” (далее — постановление № 424), которое вступило в силу со дня его официального опубликования — 6 апреля 2020 г.

Согласно п. 3 постановления № 424 положения договоров, заключенных в соответствии с законодательством Российской Федерации о газоснабжении, электроэнергетике, теплоснабжении, водоснабжении и водоотведении, устанавливающие право поставщиков коммунальных ресурсов на взыскание неустойки (штрафа, пени) за несвоевременное и (или) не полностью исполненное лицами, осуществляющими деятельность по управлению многоквартирными домами, обязательство по оплате коммунальных ресурсов, не применяются до 1 января 2021 г.

Пунктом 4 постановления № 424 также установлено, что положения договоров управления многоквартирными домами, устанавливающие право лиц, осуществляющих управление многоквартирными домами, на взыскание неустойки (штрафа, пени) за несвоевременное и (или) неполное внесение платы за жилое помещение, не применяются до 1 января 2021 г.

Кроме того, п. 5 постановления № 424 приостановлено до 1 января 2021 г. взыскание неустойки (штрафа, пени) в случае несвоевременных и (или) внесенных не в полном размере платы за жилое помещение и коммунальные услуги и взносов на капитальный ремонт.

Таким образом, приостановлено действие порядка начисления (взыскания) неустоек, предусмотренного законодательством и условиями заключенных договоров (установлен мораторий), как в отношении собственников и пользователей помещений в многоквартирных домах и жилых домов, так и в отношении лиц, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами, и, соответственно, плательщики освобождены от уплаты неустоек за соответствующий период.

Названный мораторий действует в отношении неустоек (пеней, штрафов), подлежащих начислению за период просрочки с 6 апреля 2020 г. до 1 января 2021 г., независимо от расчетного периода (месяца) поставки коммунального ресурса (оказания коммунальных услуг), по оплате которой допущена просрочка, в том числе, если сумма основного долга образовалась до 6 апреля 2020 г., если законом или правовым актом не будет установлен иной срок окончания моратория.

Правила о приостановлении начисления неустоек по смыслу пп. 3—5 постановления № 424 действуют вне зависимости от места жительства, места пребывания гражданина, местонахождения и места осуществления деятельности юридического лица, а также независимо от введения на территории субъекта Российской Федерации режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

Неустойка подлежит начислению и взысканию в порядке, установленном жилищным законодательством, законодательством о газоснабжении, электроэнергетике, теплоснабжении, водоснабжении и водоотведении и условиями договоров, за весь период просрочки, исключая период действия моратория.

Если решение о взыскании соответствующей неустойки принимается судом до 1 января 2021 г. (или в

случае внесения изменений — иной даты окончания моратория на взыскание неустоек), то в резолютивной части решения суд указывает сумму неустойки, исчисленную за период до 6 апреля 2020 г. В части требований о взыскании неустойки до момента фактического исполнения обязательства суд отказывает на основании ст. 10 Закона № 98-ФЗ, пп. 3—5 постановления № 424 как поданных преждевременно. Одновременно суд разъясняет заявителю право на обращение с таким требованием в отношении дней просрочки, которые наступят после завершения моратория.

III. Вопросы применения законодательства о банкротстве

Вопрос 8. Следует ли кредитору должника, в отношении которого действовал мораторий на возбуждение дела о банкротстве, введенный Правительством РФ, после прекращения моратория направлять новое уведомление о намерении обратиться в суд с заявлением о банкротстве, если на основании предыдущего уведомления кредитора дело о банкротстве не было возбуждено?

Ответ. Согласно абз. 1 п. 2 ст. 9¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) заявления кредиторов о признании должника банкротом, поданные в арбитражный суд в период действия моратория на возбуждение дела о банкротстве, введенного Правительством РФ (далее — мораторий), а также поданные до дня введения моратория, вопрос о принятии которых не был решен арбитражным судом ко дню введения моратория, подлежат возвращению арбитражным судом.

По смыслу абз. 3 п. 2 ст. 9¹ Закона о банкротстве, если дело о банкротстве должника, подпадающего под действие моратория, не было возбуждено на день введения моратория, уведомление кредитора о намерении обратиться в суд с заявлением о признании такого должника банкротом утрачивает силу.

Признание законодателем уведомлений кредиторов, направленных в преддверии моратория и в период его действия, не имеющими юридической силы (утратившими силу) означает, что после истечения срока действия моратория или после исключения должника из числа лиц, на которых он распространяется, кредитор до обращения в суд с заявлением о признании должника банкротом должен повторно направить уведомление о намерении обратиться с заявлением о банкротстве. Право на инициирование дела о банкротстве может быть реализовано кредитором по истечении пятнадцати календарных дней после опубликования повторного уведомления (п. 2¹ ст. 7, абз. 9 п. 2 ст. 213³ Закона о банкротстве).

Вопрос 9. Может ли в период действия моратория по заявлению кредитора возбуждаться дело о банкротстве ликвидируемого должника, на которого распространяется действие моратория?

Ответ. По смыслу п. 1 ст. 9¹ Закона о банкротстве мораторий направлен на защиту должников, пострадавших в результате обстоятельств, послуживших основанием для его введения, предоставление им возможности выйти из сложного положения и вернуться к нормальной хозяйственной деятельности.

В ситуации, когда уполномоченным органом должника — юридического лица принято решение о его ликвидации, не предполагается дальнейшее осуществление ликвидируемой организацией обычной деятельности, характерной для нормального гражданского оборота. Поскольку воля участников (учредителей) такого юридического лица направлена на прекращение существования организации, то в отношении данной орга-

низации в силу п. 2 ст. 1 ГК РФ невозможно осуществить мероприятия, нацеленные на ее сохранение.

В связи с этим само по себе отнесение ликвидируемого должника к числу лиц, на которых распространяется действие моратория, не является препятствием для подачи кредитором заявления о признании должника банкротом.

В случае принятия решения о ликвидации сохраняется и обязанность ликвидационной комиссии (ликвидатора) по обращению в суд с заявлением о признании ликвидируемого должника банкротом (п. 3 ст. 9 Закона о банкротстве).

Вопрос 10. Начисляются ли в период действия моратория проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности, установленные ст. 395 ГК РФ?

Ответ. Одним из последствий введения моратория является прекращение начисления неустоек (штрафов и пеней) и иных финансовых санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение должником денежных обязательств и обязательных платежей по требованиям, возникшим до введения моратория (подп. 2 п. 3 ст. 9¹, абз. 10 п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве).

По смыслу п. 4 ст. 395 ГК РФ этот же правовой режим распространяется и на проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности.

Вопрос 11. Вправе ли кредиторы в период действия моратория направлять исполнительные документы о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим до введения моратория, непосредственно в банк или иную кредитную организацию, в которых открыты счета должника, в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве?

Ответ. Банки и иные кредитные организации, в которых открыты счета должника, отнесены к числу лиц, на которых возложено совершение действий по исполнению исполнительных документов.

При этом подп. 4 п. 3 ст. 9¹ Закона о банкротстве предусмотрено, что в период действия моратория приостанавливаются исполнительные производства по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения моратория.

Введение в отношении должника моратория означает и невозможность получения взыскателем принудительного исполнения путем предъявления исполнительного документа непосредственно в банк (кредитную организацию) в порядке, установленном ч. 1 ст. 8 Федерального закона “Об исполнительном производстве”.

IV. Вопросы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства

Вопрос 12. Что следует понимать в диспозициях ст.ст. 207¹ и 207² УК РФ под заведомо ложной информацией и ее распространением под видом достоверных сообщений?

Ответ. Для целей ст.ст. 207¹ и 207² УК РФ под заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему.

Одним из обязательных условий наступления ответственности по ст. 207¹ или ст. 207² УК РФ является распространение заведомо ложной информации под видом достоверной. О придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например,

формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям.

Размещение лицом в сети “Интернет” или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на странице других пользователей, материала, содержащего ложную информацию (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом (в том числе так называемый репост), может быть квалифицировано по ст. 207¹ или ст. 207² УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо действовало с прямым умыслом, сознавало, что размещенная им под видом достоверной информация является ложной, и имело цель довести эту информацию до сведения других лиц.

Вопрос 13. В чем состоит публичность распространения информации, указанной в диспозициях ст.ст. 207¹ и 207² УК РФ?

Ответ. Распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозициях ст.ст. 207¹ и 207² УК РФ, следует признавать публичным, если такая информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств).

Вопрос о наличии признака публичности распространения информации должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств. При этом следует учитывать, что публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и других), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространении такой информации путем выступления на собраниях, митингах, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.

Вопрос 14. Применительно к ч. 1 ст. 236 УК РФ, что следует понимать под “массовым заболеванием или отравлением людей” либо “созданием угрозы наступления таких последствий”?

Ответ. С учетом того, что данный признак преступления является оценочным, при решении вопроса об отнесении заболевания или отравления к массовому следует принимать во внимание не только количество заболевших или получивших отравление людей, но и тяжесть заболевания (отравления). Для определения масштабов заболевания или отравления суд вправе привлечь соответствующих специалистов, например, представителей федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять государственный санитарно-эпидемиологический надзор или надзор в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления таких последствий, может наступать только в случае реальности этой угрозы, когда массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления, медицинскими работниками и другими лицами мер, направленных на предотвращение распространения заболевания (отравления), или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила.

Вопрос 15. Как следует разграничивать уголовную ответственность по ч. 2 ст. 236 УК РФ и административную ответственность по ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ?

Ответ. Административная ответственность по ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ наступает лишь в тех случаях, когда действия (бездействие) правонарушителя не содержат уголовно наказуемого деяния. В связи с тем, что нарушение физическим лицом санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, предусмотрена уголовная ответственность, в случае наступления последствий в виде смерти человека действия (бездействия) виновного следует квалифицировать по ч. 2 ст. 236 УК РФ.

Если в результате действий (бездействия), составляющих объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ, наступили последствия в виде причинения вреда здоровью человека (одного человека или нескольких лиц), то содеянное полностью охватывается составом данного административного правонарушения при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 236 УК РФ (не установлено наличие массового заболевания или отравления людей либо создание угрозы наступления таких последствий).

Вопрос 16. Возможно ли в период действия ограничительных мер, связанных с противодействием распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), рассмотрение судами уголовных дел и материалов с использованием систем видеоконференц-связи?

Ответ. В соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека использование в ходе судебного разбирательства системы видеоконференц-связи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания дела при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанным сторонами и судьей беспрепятственно (см., например, п. 42 постановления от 16 февраля 2016 г. по делу “Евдокимов и другие против Российской Федерации”). Использование системы видеоконференц-связи не препятствует подозреваемому, обвиняемому, подсудимому осуществить права, изложенные в подп. “с”, “d” и “e” п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., т.е. право “защищать себя лично”, “допрашивать или иметь право на то, чтобы свидетели были допрошены” и “пользоваться бесплатной помощью переводчика, если обвиняемый не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке”, иные права, предусмотренные, в том числе, уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

В связи с изложенным, а также учитывая, что постановлением Правительства РФ от 31 января 2020 г. № 66 новая коронавирусная инфекция внесена в Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, в условиях действия ограничительных мер, связанных с противодействием ее распространению, в целях обеспечения, в том числе, санитарно-эпидемиологической безопасности участников уголовного судопроизводства, суд по каждому уголовному делу или материалу, требующему безотлагательного рассмотрения, вправе с учетом проведения карантинных мероприятий в следственных изоляторах и установленном для всех граждан режима самоизоляции, в целях недопущения распространения инфекции принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем видеоконференц-связи, что позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других лиц в судебном заседании.

Вопрос 17. Можно ли отнести к материалам, требующим безотлагательного рассмотрения, ходатайства органов предварительного расследования о наложении

ареста на имущество и продлении срока ареста этого имущества?

Ответ. В соответствии с ч. 1 ст. 160¹ УПК РФ, если по уголовному делу установлено, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, для возмещения которого потерпевшим может быть предъявлен гражданский иск, а также в других случаях, указанных в этой норме, следователь, дознаватель обязаны незамедлительно принять меры по обнаружению имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, и наложению ареста на такое имущество путем обращения в суд с соответствующим ходатайством. С учетом того, что возложение на следователя, дознавателя данной обязанности обусловлено необходимостью защиты гарантированного ст. 52 Конституции Российской Федерации права лиц, пострадавших от преступления, на возмещение причиненного им ущерба и связано с ограничением конституционного права на частную собственность, рассмотрение ходатайства органов предварительного расследования о наложении ареста на имущество и продлении срока ареста этого имущества следует признать безотлагательным.

Вопрос 18. Подлежат ли безотлагательному рассмотрению судами ходатайства осужденных и их защитников, представления учреждений или органов, исполняющих наказание, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного в соответствии со ст. 81 УК РФ?

Ответ. Да, подлежат, поскольку право осужденных просить о смягчении наказания, гарантированное ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации, которое охватывает и решение вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, а также право осужденных, страдающих тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, просить суд об освобождении от отбывания наказания, не может быть ограничено какими-либо обстоятельствами, в том числе связанными с распространением новой коронавирусной инфекции.

Вопрос 19. Исходя из того, что мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, может быть избрана или продлена лишь в исключительных случаях и при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ, вправе ли суд при наличии таких оснований принять решение об избрании иной, более мягкой, меры пресечения либо об изменении заключения под стражу на иную, более мягкую, меру с учетом ситуации, связанной с распространением на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и рисков ее распространения в изоляторах временного содержания и в следственных изоляторах?

Ответ. Решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока действия данной меры пресечения в отношении лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, может быть принято судом лишь в исключительных случаях. Причем наличие обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ, само по себе не является безусловным основанием для удовлетворения ходатайства органов предварительного расследования. При принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока действия данной меры пресечения в отношении лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести,

суд в условиях распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) наряду с другими обстоятельствами вправе также учитывать и факт проведения карантинных мероприятий в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах.

V. Вопросы применения законодательства об административных правонарушениях

Вопрос 20. Является ли обязательным проведение административного расследования по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 6.3 и 20.6¹ КоАП РФ?

Ответ. Проведение административного расследования допускается после выявления административных правонарушений в перечисленных в ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ областях законодательства, а также в случаях совершения административных правонарушений, предусмотренных в статьях Кодекса, указанных в названной норме.

Административное расследование представляет собой комплекс требующих значительных временных затрат процессуальных действий, направленных на выяснение всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”).

Согласно названной выше норме Кодекса в случаях, если после выявления административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.6¹ КоАП РФ, или административных правонарушений в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения, например, предусмотренных ст. 6.3 КоАП РФ, возникла необходимость осуществления комплекса требующих значительных временных затрат процессуальных действий, может быть проведено административное расследование.

При этом согласно ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ вопрос о проведении административного расследования решается при возбуждении дела об административном правонарушении должностным лицом, уполномоченным в соответствии со ст. 28.3 названного Кодекса составлять протокол об административном правонарушении, или прокурором.

С учетом изложенного проведение административного расследования по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 6.3 и 20.6¹

КоАП РФ, не является обязательным, а вопрос о проведении такого расследования решается лицами, указанными в ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ, при возбуждении дела об административном правонарушении в зависимости от необходимости осуществления процессуальных действий, направленных на установление всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление.

Вопрос 21. Образуют ли объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, действия водителя транспортного средства, выразившиеся в управлении транспортным средством при наличии у него водительского удостоверения, срок действия которого истек 1 февраля 2020 г. или в иной день после указанной даты?

Ответ. Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (за исключением учебной езды), подлежит квалификации по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ.

Лицом, не имеющим права управления транспортными средствами, является, в том числе, лицо, срок действия водительского удостоверения которого истек (ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ “О безопасности дорожного движения”).

Вместе с тем согласно п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 275 “О признании действительными некоторых документов граждан Российской Федерации” (далее — Указ) российское национальное водительское удостоверение, срок действия которого истек или истекает в период с 1 февраля по 15 июля 2020 г. включительно, признается действительным до срока, определяемого в соответствии с п. 3 Указа.

Следовательно, действия водителя, выразившиеся в управлении транспортным средством в указанный выше период при наличии у него водительского удостоверения, срок действия которого истек в обозначенные в п. 1 Указа даты, объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, не образуют.

Аналогичным образом следует решать вопрос о наличии либо об отсутствии у лица права управления транспортными средствами при выявлении административных правонарушений, предусмотренных, например, ч. 3 ст. 12.7, чч. 1, 3 ст. 12.8, чч. 1, 2 ст. 12.26, ст. 12.32 КоАП РФ.

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г.)

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2019)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Если на момент вступления в силу акта об амнистии факт совершения лицом нового умышленного преступления в течение испытательного срока условного осуждения не был подтвержден вступившим в законную силу приговором, то такое лицо не может быть признано злостным нарушителем порядка отбывания наказания.

По приговору Алтайского краевого суда от 31 марта 2016 г., постановленному с участием присяжных заседателей, К. (ранее судимый: 28 января 2009 г. по пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ; 23 октября 2009 г. по п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ; 3 сентября 2013 г. по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ) осужден по пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105, п. “в” ч. 4 ст. 162, ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 223, ч. 2 ст. 222

и ч. 2 ст. 325 УК РФ. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено девятнадцать лет шесть месяцев лишения свободы со штрафом в размере 100 000 руб. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору суда от 3 сентября 2013 г., и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров К. назначено двадцать лет лишения свободы со штрафом в размере 100 000 руб.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июля 2016 г. приговор в отношении К. оставлен без изменения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в надзорном представлении поставил вопрос об изменении судебных решений, мотивируя тем,

что оснований для отмены условного осуждения и назначения наказания по совокупности приговоров у суда первой инстанции не имелось, поскольку К. по предыдущему приговору подпадал под действие акта об амнистии.

Президиум Верховного Суда РФ изменил судебные решения по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела усматривается, что К. был осужден по приговору суда от 3 сентября 2013 г. по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком два года.

24 апреля 2015 г., т.е. до поступления уголовного дела в Алтайский краевой суд (29 декабря 2015 г.), Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принято Постановление № 6576-6 ГД “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”, которое подлежало исполнению в течение 6 месяцев. Данное Постановление вступило в силу со дня его официального опубликования.

В соответствии с п. 4 Постановления осужденные к наказанию условно подлежали освобождению от наказания. Каких-либо ограничений для применения данного акта об амнистии в отношении К. не имелось.

Совершение им новых умышленных преступлений на день вступления в силу указанного акта об амнистии не было подтверждено вступившим в законную силу итоговым судебным решением, в связи с чем данный акт подлежал применению, а К. — освобождению от наказания по приговору от 3 сентября 2013 г.

Исходя из положений п. 12 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”, освобождение от наказания на основании п. 4 данного Постановления влечет снятие судимости с указанных лиц.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор от 31 марта 2016 г. и апелляционное определение от 6 июля 2016 г. в отношении К., исключил указания о его судимости по приговору суда от 3 сентября 2013 г., об отмене в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ условного осуждения по этому приговору и о назначении ему наказания по правилам ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров. Эти же судебные решения в остальном оставлены без изменения.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 85-П19ПР*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих в сфере финансовых услуг и сделок

2. Соглашение о возможности изменения условий банковского обслуживания, в том числе и установление иных размеров банковских комиссий или новых комиссий, должно быть достигнуто до оказания клиенту (физическому лицу) финансовой услуги в форме, позволяющей однозначно установить его согласие на обслуживание на этих условиях и добровольный выбор им объема оказанных услуг.

Действующее законодательство не предусматривает право банков устанавливать специальное комис-

сионное вознаграждение в качестве меры противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

Д. обратился в суд с иском к банку о взыскании денежных средств, процентов за пользование чужими денежными средствами, штрафа и компенсации морального вреда.

Как установлено судом, 4 октября 2016 г. между сторонами заключен договор банковского счета физического лица в рублях “Мой доход”, по условиям которого стоимость оказываемых банком услуг по обслуживанию счета, а также выдача денежных средств со счета клиента регулируются тарифами банка, клиент предоставляет банку акцепт на списание со своего счета платы за услуги согласно тарифам банка, действующим на день совершения операции.

На основании данного договора был открыт текущий счет, предназначенный для осуществления расчетно-кассового обслуживания клиента Д., не связанного с осуществлением предпринимательской деятельности.

Согласно представленным банком платежным поручениям в безналичном порядке тремя банковскими транзакциями на счет Д. поступили денежные средства от юридических лиц в общей сумме 1 200 000 руб.

От указанной общей суммы, превышающей 600 000 руб., банком была удержана комиссия в размере 20%, что составило 120 000 руб.

Д. направил в банк претензию с требованием о возврате комиссии в размере 120 000 руб. Данное требование ответчиком исполнено не было.

Кроме того, судом установлено, что при заключении договора банковского счета физического лица в рублях “Мой доход” Д. был ознакомлен с условиями по договору банковского счета, размещенными на официальном сайте банка.

На момент заключения данного договора операции по зачислению денежных средств в безналичном порядке по финансовому продукту “Мой доход” не являлись платными.

С услугами и тарифами именно такого содержания был ознакомлен истец при заключении договора.

С 15 ноября 2016 г. введены иные тарифы по финансовому продукту “Мой доход”, утвержденные решением правления банка, согласно которым при зачислении на счет в безналичном порядке денежных средств от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в размере свыше 600 000 руб. (накопительным итогом в течение месяца с момента поступления денежных средств) взимается комиссия в размере 20%.

На основании данных изменений банк 10 марта 2017 г. списал со счета истца комиссию в сумме 120 000 руб. в связи с зачислением на его счет поступивших от юридических лиц денежных средств в общей сумме 1 200 000 руб.

Списание данной комиссии было произведено ответчиком без согласия и распоряжения владельца счета Д.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что банк, внося коррективы в тарифы, действовавшие на момент заключения с Д. договора банковского счета и не предусматривавшие комиссионное вознаграждение банка за зачисление денежных средств сверх установленно-го банком лимита, в одностороннем порядке изменил условия заключенного с истцом договора, не известив об этом самого клиента, что привело

к возникновению у него убытков в виде незаконно удержанной комиссии.

Суд апелляционной инстанции не согласился с такими выводами суда первой инстанции, сославшись на то, что банк имел право взимать комиссию в размере 20% при зачислении на счет истца в безналичном порядке денежных средств от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей свыше 600 000 руб. в соответствии с тарифами банка по расчетно-кассовому обслуживанию, с которыми истец был ознакомлен. По мнению суда, необоснованное непредставление истцом запрашиваемых банком документов свидетельствует о его попытке уклониться от соблюдения процедур обязательного контроля, введенных ответчиком на основании положений Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма”, в связи с чем действия банка по удержанию указанной комиссии являются законными и соответствующими как условиям договора банковского счета, так и тарифам банка, а потому оснований считать данную комиссию неосновательным обогащением ответчика не имеется. Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что тарифы банка по идентификационным картам также предусматривали комиссию за зачисление на счет в безналичном порядке денежных средств при выявлении обстоятельств, дающих основания полагать, что осуществление платежей несет репутационный риск для банка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 845 ГК РФ по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету.

Согласно п. 1 ст. 851 ГК РФ в случаях, предусмотренных договором банковского счета, клиент оплачивает услуги банка по совершению операций с денежными средствами, находящимися на счете.

В соответствии со ст. 30 Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности” отношения между Банком России, кредитными организациями и их клиентами осуществляются на основе договоров, если иное не предусмотрено федеральным законом. В договоре должны быть указаны процентные ставки по кредитам и вкладам (депозитам), стоимость банковских услуг и сроки их выполнения, в том числе сроки обработки платежных документов, имущественная ответственность сторон за нарушение договора, включая ответственность за нарушение обязательств по срокам осуществления платежей, а также порядок его расторжения и другие существенные условия договора.

В ст. 29 данного Федерального закона прямо предусмотрено, что комиссионное вознаграждение по банковским операциям устанавливается кредитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Согласно ст. 310 ГК РФ одностороннее изменение условий обязательства не допускается, за исключением случаев, предусмотренных данным Кодексом, другими законами или иными правовыми актами. Договором между сторонами можно предусмотреть такую возможность только тогда, когда все его стороны являются лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, либо для той стороны договора, которая не осуществляет предпринимательскую деятельность, за исключением случаев, когда законом такое право может быть предоставлено и другой стороне.

Таким образом, закон не содержит запрета банкам изменять условия банковского обслуживания и устанавливать иные размеры комиссий или новые комиссии, но в случаях с клиентами — физическими лицами до оказания услуги должно быть достигнуто соответствующее соглашение о возможности изменения договора банковского обслуживания в форме, которая позволяет однозначно установить согласие потребителя на обслуживание на этих условиях и добровольный выбор им объема оказанных услуг.

При этом в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении” разъяснено, что если одностороннее изменение условий обязательства совершено тогда, когда это не предусмотрено законом, иным правовым актом или соглашением сторон или не соблюдено требование к их совершению, то по общему правилу такое одностороннее изменение условий договора не влечет юридических последствий, на которые они были направлены.

На момент заключения договора банковского счета операции по зачислению денежных средств в безналичном порядке по финансовому продукту “Мой доход” не являлись платными. Доказательств, свидетельствующих о достижении соглашения сторон об изменении условий договора банковского счета в этой части, равно как и сведений о том, что истец на момент совершения операции согласился на изменение размера комиссии на оказание банковской услуги по зачислению ему на счет денежных средств с учетом введенного тарифа, в материалах дела не имеется, судами не установлено.

При таких обстоятельствах суду апелляционной инстанции следовало руководствоваться теми условиями обслуживания банковского счета истца, которые были установлены в заключенном им договоре и содержались в правилах банка, существовавших на дату заключения этого договора.

Ссылаясь в своем определении на положения Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” и делая выводы, что банк был вправе взимать спорную комиссию при выявлении обстоятельств, дающих основание отнести сделки клиента к сомнительным, суд апелляционной инстанции не учел, что в данном Федеральном законе не содержатся нормы, позволяющие кредитным организациям в качестве мер противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, устанавливать специальное комиссионное вознаграждение.

Определение № 16-КГ18-57

3. В случае нарушения заемного обязательства сумма долга подлежит расчету исходя из валюты займа, указанной в договоре, в соответствии с п. 2 ст. 317 ГК РФ.

З. обратилась в суд с иском к Л. о расторжении договора займа, взыскании суммы займа в размере 4 935 034 руб.

В обоснование требований истец указала, что 21 марта 2016 г. между сторонами спора заключен договор займа в форме расписки, согласно которой Л. получила на 36 месяцев в долг от З. 65 000 евро с условием ежемесячного возврата равнозначными платежами в размере 1806 евро, что по курсу Банка России на день заключения договора займа составляло 139 405 руб., и 10 000 евро без процентов. Общая сумма займа на момент его получения согласно курсу Банка России была эквивалентна 5 789 250 руб. К октябрю 2016 г. ответчиком на счет З. зачислена денежная сумма, эквивалентная 10 030 евро, в октябре и ноябре 2016 г. платежей не поступало, в декабре 2016 г. на счет истца поступила сумма в размере 80 000 руб., с января 2017 г. платежей от ответчика по возврату займа не поступало. Истец, полагая, что неисполнение условий договора нарушает ее законные права и интересы, обратилась в суд с иском.

Судами первой и апелляционной инстанций исковые требования З. удовлетворены. Договор займа, заключенный 21 марта 2016 г. между З. и Л., расторгнут, с Л. в пользу З. взысканы долг по договору займа в размере 4 935 034 руб., судебные расходы на оплату государственной пошлины в размере 32 875 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ вынесенные по делу судебные постановления отменила, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

Пунктом 1 ст. 421 ГК РФ установлено, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

В силу п. 2 ст. 317 ГК РФ в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах. В этом случае подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законом или соглашением сторон.

Как разъяснено в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении”, стороны вправе в соглашении установить курс пересчета иностранной валюты (условных денежных единиц) в рубли или установить порядок определения такого курса. Если законом или соглашением сторон курс и дата пересчета не установлены, суд в соответствии с п. 2 ст. 317 ГК РФ указывает, что пересчет осуществляется по официальному курсу на дату фактического платежа.

Судом денежные суммы, составляющие задолженность Л. по договору, заключенному в иностранной валюте, исчислены исходя из курса евро на день заключения договора займа.

Вместе с тем договор займа не содержит соглашения сторон по возврату долга в рублевом

эквиваленте по курсу Банка России на день заключения договора.

Указанные требования закона и указания Пленума Верховного Суда РФ судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении данного дела выполнены не были.

Определение № 5-КГ19-55

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

4. К договорам ипотеки, заключенным после 1 июля 2014 г.¹, применяются общие положения о залоге, содержащиеся в Гражданском кодексе РФ и закрепляющие требования к государственной регистрации ипотеки путем внесения соответствующей записи об ограничении права в Единый государственный реестр недвижимости. Сам договор ипотеки регистрации не подлежит и считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора.

Д. обратился в суд с иском к обществу о регистрации договора залога недвижимого имущества.

В обоснование требований истец указал, что 3 августа 2015 г. между ним и М. заключен договор займа со сроком возврата до 30 декабря 2015 г. В обеспечение исполнения данного обязательства между истцом и обществом, единственным учредителем и директором которого является М., 16 декабря 2015 г. заключен договор залога принадлежащего обществу недвижимого имущества (ипотеки) нежилого здания. Поскольку ответчик уклоняется от регистрации договора залога, истец просит суд произвести государственную регистрацию указанного договора.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, постановлено произвести государственную регистрацию договора залога от 16 декабря 2015 г., заключенного между Д. и обществом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с вынесенными судебными постановлениями не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии со ст.ст. 334, 334¹ и 339¹ ГК РФ (здесь и далее нормы права приведены в редакции, действовавшей на момент заключения договора залога) в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя).

Залог между залогодателем и залогодержателем возникает на основании договора. В случаях, установленных законом, залог возникает при наступлении указанных в законе обстоятельств (залог на основании закона).

Залог подлежит государственной регистрации и возникает с момента такой регистрации в случаях, если в соответствии с законом права, закрепляющие принадлежность имущества определенному лицу, подлежат государственной регистрации (ст. 8¹ ГК РФ).

¹Дата вступления в силу Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 10 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ “Об ипотеке (залоге недвижимости)” договор об ипотеке (залоге недвижимости) заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами, и подлежит государственной регистрации. Договор об ипотеке считается заключенным и вступает в силу с момента его государственной регистрации.

Согласно п. 5 ст. 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”, вступившего в силу с 1 июля 2014 г., правила о государственной регистрации договора ипотеки, содержащиеся в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” и Федеральном законе от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ “Об ипотеке (залоге недвижимости)”, не подлежат применению к договорам ипотеки, заключаемым после дня вступления в силу данного Федерального закона.

Таким образом, к договорам ипотеки, заключенным после 1 июля 2014 г., применяются общие положения о залоге, содержащиеся в Гражданском кодексе РФ и закрепляющие требования к государственной регистрации ипотеки в виде обременения путем внесения записи об ограничении права в виде ипотеки в Единый государственный реестр недвижимости. Сам договор ипотеки регистрации не подлежит и считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям договора.

По данному делу договор залога недвижимого имущества (ипотеки) заключен 16 декабря 2015 г., т.е. после вступления в силу Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ, а потому судебное постановление, обязывающее произвести государственную регистрацию такого договора в органе, осуществляющем регистрацию прав и сделок с недвижимостью, противоречит положениям приведенных правовых норм.

Это судом учтено не было и повлекло за собой вынесение решения, не отвечающего требованиям ст. 195 ГПК РФ.

Определение № 49-КГ19-9

5. Заключение договоров об участии в долевом строительстве и об уступке права требования по таким договорам с одновременной передачей их для государственной регистрации не противоречит требованиям закона.

Б. обратился в суд с иском к обществу о проведении государственной регистрации договоров уступки права требования.

Как установлено судом и следует из материалов дела, 16 ноября 2016 г. между Б. и обществом были заключены семь договоров уступки права требования (цессии), согласно которым ответчик передал истцу права требования от организации-застройщика семи однокомнатных квартир. Согласно условиям указанных договоров расчет между сторонами за уступаемые права производится полностью до подписания договора.

Права требования передачи от застройщика указанных квартир принадлежали ответчику на основании заключенных 15 ноября 2016 г. между организацией-застройщиком и обществом договоров участия в долевом строительстве объектов недвижимости.

После подписания договоров уступки права требования в этот же день, 16 ноября 2016 г., истец и ответчик обратились в регистрирующий орган за государственной регистрацией семи договоров уступки права требования (цессии).

Одновременно на регистрацию были сданы договоры участия в долевом строительстве указанных объектов недвижимости от 15 ноября 2016 г., заключенные между организацией-застройщиком и обществом, государственная регистрация которых состоялась 21 ноября 2016 г.

10 января 2017 г. от общества в регистрирующий орган поступили заявления о прекращении государственной регистрации договоров уступки права требования (цессии).

Б., полагая, что сделки по уступке права требования состоялись по воле обеих сторон, все условия были согласованы, денежные средства по договору истцом переданы полностью, предъявил требование о проведении государственной регистрации указанных договоров.

Общество возражало против заявленных Б. требований и обосновывало свой встречный иск о расторжении указанных выше договоров уступки права требования тем, что в нарушение условий заключенных с истцом договоров цессии об оплате цены договоров до их заключения Б. денежные средства в кассу общества не внес, что послужило основанием для обращения общества в регистрирующий орган с заявлением о прекращении регистрационных действий по данным договорам уступки права требования.

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении как исковых требований Б., так и встречных исковых требований общества, суд первой инстанции исходил из того, что на момент заключения между обществом и Б. спорных договоров уступки права требования на передачу объектов недвижимости от 16 ноября 2016 г. общество каких-либо прав на данные объекты долевого строительства не имело, поскольку государственная регистрация договоров долевого участия в строительстве от 15 ноября 2016 г. между организацией-застройщиком и обществом была произведена только 21 ноября 2016 г. По мнению суда, общество не имело прав на заключение договоров цессии с истцом Б. до окончания процедуры государственной регистрации ранее заключенных с организацией-застройщиком договоров участия в долевом строительстве объектов недвижимости, что влечет признание заключенных между сторонами договоров цессии ничтожными в соответствии с п. 4 ст. 166 ГК РФ по инициативе суда. В качестве основания, по которому указанные сделки признаны судом ничтожными, суд сослался на ст. 170 ГК РФ, приведя в решении ее положения о ничтожности мнимых и притворных сделок.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о ничтожности договоров цессии между обществом и Б., указав при этом на то, что на момент подписания этих договоров у общества не было права на спорные объекты недвижимости и, следовательно, права на их отчуждение, в связи с чем договоры цессии между сторонами являются незаключенными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Отказывая в удовлетворении иска Б. и встречного иска общества, суды исходили из того, что

договор участия в долевом строительстве не зарегистрирован в установленном законом порядке, а значит, договоры цессии между Б. и обществом не могут считаться заключенными, а права (требования) по ним — перешедшими к Б. в силу нарушения положений ст. 17 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”.

Между тем судами не учтено следующее.

В ст. 17 названного Закона предусмотрено, что договор об участии в долевом строительстве и (или) уступка прав требований по такому договору подлежат государственной регистрации. Как в целом данный Закон, так и требование о регистрации направлены на защиту участников долевого строительства (особенно граждан), поэтому позиция судов, посчитавших, что при отсутствии регистрации спорного договора и уступки прав по нему гражданин не может требовать от застройщика выполнения договора путем передачи оплаченного жилого помещения, не учитывает отмеченных целей указанного Закона.

Данная позиция не учитывает также того, что в соответствии с п. 2 ст. 165 ГК РФ, если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд по требованию другой стороны вправе вынести решение о регистрации сделки. В этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда.

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 “О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки” разъяснено, что согласно взаимосвязанным положениям ст. 388¹, п. 5 ст. 454 и п. 2 ст. 455 ГК РФ договор, на основании которого производится уступка, может быть заключен не только в отношении требования, принадлежащего cedentу в момент заключения договора, но и в отношении требования, которое возникнет в будущем или будет приобретено cedentом у третьего лица (будущее требование). Если иное не установлено законом, будущее требование переходит к цессионарию, соответственно, непосредственно после момента его возникновения или его приобретения cedentом. Соглашением сторон может быть предусмотрено, что будущее требование переходит позднее (п. 2 ст. 388¹ ГК РФ).

Из материалов дела следует, что договоры участия в долевом строительстве объекта недвижимости от 15 ноября 2016 г. и договоры уступки права требования (цессии) от 16 ноября 2016 г. были сданы для регистрации перехода прав на объекты недвижимости одновременно.

Судами не принято во внимание, что заключение договоров об участии в долевом строительстве и об уступке права требования с одновременной передачей их для государственной регистрации не противоречило требованиям закона.

Из разъяснений, содержащихся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54, следует, что по смыслу ст.ст. 390, 396 ГК РФ невозможность перехода требования, например, по причине его принадлежности иному лицу или его прекращения, сама по себе не приводит к недействительности договора, на основании которого должна была производиться такая уступка, и не освобождает це-

дента от ответственности за неисполнение обязательств, возникших из этого договора. Например, если стороны договора продажи имущественного права исходили из того, что названное право принадлежит продавцу, однако в действительности оно принадлежало иному лицу, покупатель вправе потребовать возмещения причиненных убытков (пп. 2 и 3 ст. 390, ст. 393, п. 4 ст. 454, ст.ст. 460 и 461 ГК РФ), а также применения иных предусмотренных законом или договором мер гражданско-правовой ответственности.

Равным образом, если иное не вытекает из существа соглашения между cedentом и цессионарием, cedent, обязавшийся уступить будущее требование, отвечает перед цессионарием, если уступка не состоялась по причине того, что в предусмотренный договором срок или в разумный срок уступаемое право не возникло или не было приобретено у третьего лица.

Следовательно, вывод судов об уступке несуществующего требования является ошибочным, поскольку на момент рассмотрения дела в суде оно существовало, права по договору участия в долевом строительстве объекта недвижимости были зарегистрированы, тогда как в соответствии с законом права по договору уступки права требования у цессионария возникают не с момента заключения договора, а с момента государственной регистрации (п. 3 ст. 433, ст. 389 ГК РФ).

При таких условиях выводы судов о том, что договоры цессии между сторонами являются ничтожными сделками, поскольку на момент их заключения договоры участия в долевом строительстве между организацией-застройщиком и обществом не прошли государственную регистрацию, основаны на неправильном толковании и применении норм материального права о недействительности сделок, а вывод о том, что договоры цессии между сторонами являются незаключенными, противоречит как предыдущему выводу о его недействительности, так и материалам дела, а также правовым позициям сторон, признававших в суде и факт заключения данного договора, и факт совершения обеими сторонами действий по его реальному исполнению, включая передачу договоров цессии на государственную регистрацию.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении исковых требования Б., признал спорные договоры уступки права требования (цессии) ничтожными.

Вместе с тем из материалов дела видно, что обществом заявлено встречное исковое требование о расторжении договоров цессии в связи с их неоплатой, в качестве основания указано на ст.ст. 450, 453 ГК РФ. При этом требований о признании сделки недействительной общество не предъявляло.

Согласно ст. 12 ГК РФ нарушенное гражданское право (законный интерес) подлежит защите способом, указанным в законе.

В силу ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение по заявленным истцом требованиям и может выйти за пределы этих требований только в случаях, предусмотренных федеральным законом.

В абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении” установлено, что выйти за пределы заявленных требований (разрешить требование, которое не заявлено, удовлетворить требование истца в большем размере, чем оно было заявлено) суд имеет право лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами.

Процессуальный закон не предоставляет суду полномочий по изменению по своему усмотрению основания и предмета иска с целью использования более эффективного способа защиты, а также выбора иного способа защиты.

Выводы суда первой инстанции о том, что к спорным правоотношениям возможно применить способ защиты путем признания сделки недействительной без заявления соответствующих требований со стороны общества, ошибочны.

В соответствии с п. 4 ст. 166 ГК РФ суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов, и в иных предусмотренных законом случаях.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 79 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки (реституцию) по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов, а также в иных предусмотренных законом случаях (п. 4 ст. 166 ГК РФ).

По смыслу ст. 56 ГПК РФ при решении вопроса о применении по своей инициативе последствий недействительности ничтожной сделки суду следует вынести указанный вопрос на обсуждение сторон.

В мотивировочной части решения должно быть указано, какие публичные интересы подлежат защите, либо содержаться ссылка на специальную норму закона, позволяющую применить названные последствия по инициативе суда.

Таким образом, положения ст. 168 ГК РФ судом первой инстанции применены вопреки данным разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. Решение не содержит указания ни на закон, позволяющий выйти за пределы заявленных требований, ни на нарушения публичных интересов.

Так, соглашаясь с выводами суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении исковых требований Б., судебная коллегия пришла к выводу о незаключенности договоров цессии, тогда как общество, предъявляя встречные требования о расторжении договоров уступки права требования, признавало эти сделки заключенными, ссылаясь в обоснование заявленных требований о расторжении договоров на неоплату Б. уступки права требования. При этом факт оплаты или неоплаты Б. уступки права требования по договорам судом апелляционной инстанции также не выяснялся, на обсуждение сторон не выносился.

При таких обстоятельствах у суда апелляционной инстанции также отсутствовали правовые основания для оставления решения суда в указанной части без изменения.

Определение № 14-КГ19-1

б. Сообщение Ростуризма о возникновении в стране (месте) временного пребывания туриста угрозы безопасности его жизни и здоровья, опубликованное до начала его путешествия, является основанием для расторжения договора о реализации туристского продукта и возврата туристу уплаченной им по договору суммы.

Н. обратился в суд с иском к турагентству, туроператору, индивидуальному предпринимателю К. (далее — ИП К.) о расторжении договора о реализации туристского продукта, взыскании стоимости туристского продукта, неустойки, компенсации морального вреда.

В обоснование иска указано, что 20 июля 2017 г. между ним и ИП К., действовавшей по поручению туроператора, заключен договор о реализации туристского продукта, предусматривающий путешествие истца, его супруги и двух малолетних детей в Турецкую Республику в период с 20 по 30 августа 2017 г. В соответствии с условиями указанного договора Н. произведена оплата стоимости туристского продукта.

До начала путешествия на официальном сайте Ростуризма появилась информация о возникновении угрозы безопасности здоровья туристов, находящихся в Турецкой Республике, вызванной неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, в связи с чем 14 августа 2017 г. истец обратился к турагенту с письменным заявлением о расторжении названного договора и возврате уплаченных за туристский продукт денежных средств. Не получив ответа на данное обращение, 25 августа 2017 г. истец обратился к ИП К. с претензией, ответа на которую также не последовало.

Н. просил суд расторгнуть договор о реализации туристского продукта и взыскать с туроператора всю уплаченную за туристский продукт денежную сумму, неустойку за неисполнение обязательства по возврату денежной суммы и денежную компенсацию морального вреда. С ИП К. истец просил взыскать сумму компенсации морального вреда. Кроме того, с ИП К. и туроператора истец просил взыскать штраф в размере пятидесяти процентов от суммы удовлетворенных исковых требований и судебные расходы.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении части требований, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу, что предусмотренные ст. 14 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации” (далее — Закон об основах туристской деятельности) основания для расторжения договора в данном случае отсутствуют, в связи с чем денежные средства, уплаченные истцом по названному договору, подлежат возврату за вычетом фактически понесенных ответчиком расходов.

Суды сослались на то, что размещенная на официальном сайте Ростуризма информация не подтверждает возникновение в Турецкой Республике угрозы безопасности здоровья туристов, поскольку согласно указанной статье наличие таких обстоятельств должно подтверждаться решениями федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, принимаемыми в соответствии с федеральными законами. По мнению судебных инстанций, соответствующие решения названными выше органами не принимались.

Как указали суды, информация, размещенная на сайте Ростуризма, носит рекомендательный характер и не подменяет решения органов государственной власти. Кроме того, в данной информации отсутствуют рекомендации по запрету на формирование и реализацию туристского продукта в Турецкую Республику и по запрету полетов на турецкие курорты, равно как и рекомендации российским гражданам воздержаться от поездок в Турецкую Республику.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала состоявшиеся судебные акты вынесенными с существенными нарушениями норм действующего законодательства.

Согласно ст. 3¹ Закона об основах туристской деятельности (здесь и далее в редакции, действовавшей на момент заключения договора о реализации туристского продукта от 20 июля 2017 г.) к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в сфере туризма относятся: обеспечение безопасности туризма, защита прав и законных интересов туристов на территории Российской Федерации и за пределами ее территории; информирование туроператоров, турагентов и туристов (экскурсантов) об угрозе безопасности туристов (экскурсантов) в стране (месте) временного пребывания.

Положения ст. 14 названного Закона предусматривают, что уполномоченный федеральный орган исполнительной власти информирует туроператоров, турагентов и туристов (экскурсантов) об угрозе безопасности туристов (экскурсантов) в стране (месте) временного пребывания, в том числе путем опубликования соответствующих сообщений в государственных средствах массовой информации. Указанное опубликование осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации для опубликования обязательных сообщений.

В случае возникновения обстоятельств, свидетельствующих о возникновении в стране (месте) временного пребывания туристов (экскурсантов) угрозы безопасности их жизни и здоровья, а равно опасности причинения вреда их имуществу, турист (экскурсант) и (или) туроператор (турагент) вправе потребовать в судебном порядке расторжения договора о реализации туристского продукта или его изменения.

Наличие указанных обстоятельств подтверждается соответствующими решениями федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, принимаемыми в соответствии с федеральными законами.

Согласно ч. 5 ст. 14 Закона при расторжении до начала путешествия договора о реализации туристского продукта в связи с наступлением обстоятельств, указанных в данной статье, туристу и (или) иному заказчику возвращается денежная сумма, равная общей цене туристского продукта, а после начала путешествия — ее часть в размере, пропорциональном стоимости не оказанных туристу услуг.

По смыслу приведенных положений Закона в случае возникновения угрозы безопасности жизни и здоровья туристов в стране или месте временного пребывания уполномоченный государственный орган информирует об этом туроператоров, турагентов и туристов, в том числе путем размещения сообщений на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

Такое сообщение осуществляется на основании решений соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления.

Согласно п. 1 Положения о Федеральном агентстве по туризму, утвержденного постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 901, Ростуризм является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом, а также правоприменительные функции в сфере туризма, туристской деятельности.

Подпунктом 5.3.2 п. 5 названного Положения установлено, что Ростуризм информирует в установленном порядке туроператоров, турагентов и туристов об угрозе безопасности туристов в стране (месте) временного пребывания.

Таким образом, Ростуризм является федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на принятие решений в сфере туризма и туристской деятельности, включая принятие решений по вопросам угрозы безопасности туристов в стране или месте временного пребывания, и информирование об этом туроператоров, турагентов и туристов.

Как установлено судом по делу, Ростуризм как федеральный орган исполнительной власти принял решение об опубликовании сообщения об угрозе безопасности туристов в Турецкой Республике в указанный период.

Кроме того, в заключенном между Н. и турагентом договоре предусмотрено, что при его расторжении до начала путешествия в связи с наступлением обстоятельств, свидетельствующих о возникновении в стране (месте) временного пребывания туриста угрозы безопасности его жизни и здоровья, заказчику до начала путешествия возвращается денежная сумма, равная общей цене туристского продукта.

С учетом изложенного требования истца были основаны не только на положениях закона, но и на условиях заключенного сторонами договора.

Приведенные выше положения нормативных актов, а также заключенного сторонами договора судами учтены не были.

Определение № 77-КГ18-26

Разрешение споров, возникающих из обязательственных отношений

7. Если решение суда о возложении на должника обязанности по исполнению обязательства в натуре исполняется после 1 июня 2015 г., то по заявлению кредитора на случай неисполнения указанного судебного решения в его пользу может быть присуждена денежная сумма в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 308³ ГК РФ.

Решением суда от 11 апреля 2011 г. в пользу А. выделена в натуре 1/2 доли спорного нежилого помещения, в пользу К. выделены в натуре 230/1000 доли из этого нежилого помещения, на А. и К. возложена обязанность по производству работ по переоборудованию и изоляции помещений с учетом принадлежащих им долей.

Определением того же суда от 8 июля 2014 г. указанное решение разъяснено: на А. возложена обязанность выполнить работы по устройству двух перегородок, устройству шести дверных проемов, заделке трех дверных проемов с несением расходов для выполнения указанных работ.

7 апреля 2017 г. К. обратилась в суд с заявлением о взыскании с А. в ее пользу за неисполнение названного решения суда в части требований о возложении на него обязанности по выполнению перечисленных выше работ судебной неустойки с 1 июня 2015 г. в размере 300 руб. в сутки.

Определением суда заявление К. удовлетворено: постановлено взыскать с А. в ее пользу в счет судебной неустойки по 250 руб. в сутки начиная с 1 июня 2015 г. по день фактического исполнения решения того же суда от 11 апреля 2011 г. При удовлетворении заявления К. о взыскании с должника судебной неустойки суд первой инстанции, указывая на установление факта неисполнения А. решения суда от 11 апреля 2011 г., руководствовался положениями ст. 308³ ГК РФ, разъяснениями пп. 28—35 постановления

Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления К. о присуждении в ее пользу судебной неустойки в связи с неисполнением должником решения суда, вступившего в законную силу в 2011 году, суд апелляционной инстанции исходил из того, что данная мера ответственности не может быть применена, поскольку на момент вынесения решения суда такая мера ответственности за неисполнение судебного акта, как судебная неустойка, предусмотренная ст. 308³ ГК РФ, не была введена.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 308³ ГК РФ (введенной в действие с 1 июня 2015 г. Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ) в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено данным Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

В пп. 1 и 2 ст. 2 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации” (далее — Закон № 42-ФЗ) предусмотрено, что указанный Закон вступает в силу с 1 июня 2015 г. Положения Гражданского кодекса РФ (в редакции указанного Закона) применяются к правоотношениям, возникшим после дня вступления в силу названного Федерального закона. По правоотношениям, возникшим до дня вступления в силу данного Закона, положения Гражданского кодекса РФ (в редакции указанного Закона) применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления в силу этого Федерального закона, если иное не предусмотрено названной статьёй.

Согласно пп. 82 и 83 приведенного выше постановления Пленума положения Гражданского кодекса РФ в редакции Закона № 42-ФЗ применяются к правоотношениям, возникшим после дня вступления его в силу, если иное не предусмотрено ст. 2 названного Закона. По правоотношениям, возникшим до дня вступления в силу Закона № 42-ФЗ, положения Гражданского кодекса РФ в измененной редакции применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления этого Закона в силу (1 июня 2015 г.).

Положения Гражданского кодекса РФ в измененной Законом № 42-ФЗ редакции не применяются к правам и обязанностям, возникшим из договоров, заключенных до дня вступления его в силу (до 1 июня 2015 г.). При рассмотрении споров из названных договоров следует руководствоваться ранее действовавшей редакцией Кодекса с учетом сложившейся практики ее применения (п. 2 ст. 4, абз. 2 п. 4 ст. 421, п. 2 ст. 422 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции, применяя изложенное выше положение закона и акта его толкования, не учел, что предметом рассмотрения являлась возможность присуждения судебной неустойки не за неисполнение договора, а на случай неисполнения публично-правового акта — вступившего в законную силу решения суда, которое согласно ч. 2 ст. 13 ГПК РФ является обязательным для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежит неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

В ч. 3 этой же статьи Кодекса предусмотрено, что неисполнение судебного постановления, а равно иное проявление неуважения к суду влечет за собой ответственность, предусмотренную федеральным законом.

Таким образом, если решение суда, согласно которому на должника судом возложена обязанность исполнения какого-либо обязательства в натуре, исполняется после 1 июня 2015 г., то по заявлению кредитора на случай неисполнения указанного судебного решения может быть присуждена в его пользу денежная сумма в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 308³ ГК РФ, и после названной даты независимо от того, когда был постановлен судебный акт.

В связи с изложенным выше выводы суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворении заявления К. о присуждении в ее пользу судебной неустойки в связи с неисполнением должником решения суда, поскольку на момент вынесения решения суда такая мера ответственности за неисполнение судебного акта, как судебная неустойка, предусмотренная ст. 308³ ГК РФ, не была введена, основан на неправильном толковании норм права.

Определение № 14-КГ19-5

Разрешение споров, возникающих из причинения вреда

8. Если после возбуждения исполнительного производства должник располагал денежными средствами и иным имуществом, достаточным для погашения задолженности перед взыскателем в полном объеме, однако в результате бездействия судебного пристава-исполнителя такая возможность была утрачена, взыскатель вправе требовать возмещения вреда в порядке, установленном ст. 1069 ГК РФ.

А. обратился в суд с иском к ФССП России о возмещении ущерба в размере 1 018 228 руб. и расходов на уплату государственной пошлины в размере 13 291 руб.

Судом установлено и из материалов дела следует, что вступившим в законную силу решением суда от 8 июня 2015 г. с общества в пользу А. взысканы денежные средства в общей сумме 1 009 990 руб.

На основании указанного выше решения суда А. выдан исполнительный лист.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 12 августа 2015 г. на основании указанного выше исполнительного листа возбуждено исполнительное производство.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 14 августа 2015 г. наложен запрет на регистрационные действия в отношении зарегистрированных за ответчиком автомобилей.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 30 ноября 2015 г. обращено взыска-

ние на денежные средства должника в размере 1 009 990 руб., находящиеся на счете в банке.

Вступившим в законную силу решением суда от 24 мая 2017 г. признано незаконным бездействие судебного пристава-исполнителя, выразившееся в длительном неисполнении решения суда по взысканию с общества денежных средств в пользу А. по исполнительному производству.

Постановлением судебного пристава-исполнителя от 18 декабря 2017 г. исполнительное производство окончено, а исполнительный лист возвращен взыскателю.

Из указанного выше постановления судебного пристава-исполнителя следует, что у должника отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание, и все принятые меры по отысканию его имущества оказались безрезультатными.

В ходе исполнительного производства с должника взыскана сумма в размере 62 460 руб., в остальной части решение не исполнено.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции сослался на отсутствие причинно-следственной связи между бездействием ответчика и заявленными А. к возмещению убытками.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ находит, что судебными инстанциями по данному делу допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Исполнительное производство осуществляется на принципах законности и своевременности совершения исполнительных действий, применения мер принудительного исполнения (пп. 1 и 2 ст. 4 Закона об исполнительном производстве).

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» (далее — Закон о судебных приставах) в процессе принудительного исполнения судебных актов и актов других органов, предусмотренных Законом об исполнительном производстве, судебный пристав-исполнитель принимает меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов.

В ч. 1 ст. 36 Закона об исполнительном производстве установлено, что содержащиеся в исполнительном документе требования должны быть исполнены судебным приставом-исполнителем в двухмесячный срок со дня возбуждения исполнительного производства.

В силу ч. 2 ст. 119 этого же Закона заинтересованные лица вправе обратиться в суд с иском о возмещении убытков, причиненных им в результате совершения исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения.

Аналогичные положения содержатся в пп. 2 и 3 ст. 19 Закона о судебных приставах, регули-

рующих вопросы ответственности судебных приставов за противоправные действия, повлекшие причинение ущерба.

В соответствии со ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», защита прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий осуществляется по правилам главы 17 Закона об исполнительном производстве, но не исключает применения мер гражданской ответственности за вред, причиненный незаконными постановлениями, действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя (п. 80).

По делам о возмещении вреда суд должен установить факт причинения вреда, вину причинителя вреда и причинно-следственную связь между незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя и причинением вреда (п. 82).

Если в ходе исполнительного производства судебный пристав-исполнитель не осуществил необходимые исполнительные действия по исполнению исполнительного документа за счет имевшихся у должника денежных средств или другого имущества, оказавшихся впоследствии утраченными, то на истца по иску о возмещении вреда, причиненного незаконным бездействием судебного пристава-исполнителя, не может быть возложена обязанность по доказыванию того обстоятельства, что должник не владеет иным имуществом, на которое можно обратиться взыскание.

В то же время отсутствие реального исполнения само по себе не является основанием для возложения на государство обязанности по возмещению не полученных от должника сумм по исполнительному документу, поскольку ответственность государства в сфере исполнения судебных актов, вынесенных в отношении частных лиц, ограничивается надлежащей организацией принудительного исполнения этих судебных актов и не подразумевает обязанности положительного результата, если таковой обусловлен объективными обстоятельствами, зависящими от должника (п. 85).

По данному делу основанием иска являлся не сам факт неисполнения решения суда, а его неисполнение вследствие незаконного бездействия судебного пристава-исполнителя, что повлекло прекращение исполнительного производства в 2017 году в связи с отсутствием у должника денежных средств и имущества.

Из установленных судом обстоятельств следует, что после возбуждения исполнительного производства должник располагал денежными средствами и иным имуществом, достаточным для погашения задолженности перед истцом в полном объеме, однако в результате бездействия

судебного пристава-исполнителя такая возможность была утрачена.

Согласно вступившему в законную силу решению суда от 24 мая 2017 г. судебный пристав-исполнитель несвоевременно принял меры по аресту денежных средств, находящихся на счете должника в банке, поскольку вынес постановление о наложении ареста лишь 22 декабря 2015 г., т.е. спустя месяц с момента поступления информации о наличии денежных средств на счете должника, когда денежные средства уже были сняты.

Также в названном выше судебном постановлении указано на то, что судебным приставом-исполнителем не представлено доказательств направления в банк постановления об обращении взыскания на денежные средства должника от 3 ноября 2015 г., что способствовало распоряжению денежными средствами должником не в интересах взыскателя.

Не представлено таких сведений ответчиком и по данному делу, равно как и не объяснены причины столь длительного бездействия.

В подтверждение своих доводов заявитель ссылается на имеющуюся в материалах дела выписку по счету должника, открытому в банке, согласно которой должником с июля по декабрь 2015 г. были произведены выплаты третьим лицам в размере, превышающем 40 000 000 руб.

Согласно данной выписке на основании постановления судебного пристава-исполнителя от 30 ноября 2015 г. (а не от 3 ноября 2015 г.) с должника в пользу истца взысканы денежные средства лишь 30 декабря 2015 г. и 13 января 2016 г. в размере 16 531 руб. и 41 500 руб. соответственно.

Однако ответчиком, в том числе и в суде кассационной инстанции, никак не объяснено, почему при наличии у должника автотранспорта и нахождения на его счете в банке более 40 000 000 руб. в течение длительного времени не было исполнено решение суда о взыскании в пользу истца 1 009 990 руб.

Поскольку судом не установлено иное, при указанных выше обстоятельствах отказ судами в иске о возмещении вреда Судебная коллегия признала противоречащим приведенным выше нормам права, а также разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

Определение № 5-КГ19-56

9. Каждый из страховщиков, застраховавших ответственность владельцев транспортных средств, в результате взаимодействия которых причинен вред третьим лицам, обязан произвести соответствующую страховую выплату потерпевшим в возмещение вреда по каждому из договоров страхования.

К. обратилась в суд к страховщику-1 с иском о взыскании страхового возмещения, в том числе сумм в счет возмещения вреда здоровью и утраченного заработка, а также о компенсации морального вреда и взыскании расходов на оплату услуг представителя, убытков и штрафа в соответствии со ст. 16¹ Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" (далее — Закон об ОСАГО). В обоснование заявленных требований указано, что в результате дорожно-транспортного происшествия с участием автомобиля под управлением Т., гражданская ответственность которого застрахована страховщиком-2, и автомобиля под управлением З., гражданская ответственность которого была застрахована страховщиком-1, водитель З. погиб, а К. (пассажиру автомобиля

под управлением З.) причинен тяжкий вред здоровью.

По приговору суда Т. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ.

К. обратилась с заявлением о страховой выплате к страховщику-1, который письмом в выплате страхового возмещения отказал. Претензия К. также оставлена ответчиком без удовлетворения.

К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечен страховщик-2.

Представители страховщика-1 и страховщика-2 иски не признали, просили отказать в их удовлетворении.

Разрешая спор по существу и удовлетворяя заявленные требования в части, суд первой инстанции, руководствуясь ст.ст. 929—931, 1079 и 1080 ГК РФ, ст.ст. 1, 4, 7 и 12 Закона об ОСАГО, пришел к выводу о том, что причинение вреда третьему лицу в результате взаимодействия источников повышенной опасности влечет наступление страхового случая по каждому заключенному их владельцами договору ОСАГО и страховая выплата должна быть произведена по каждому из этих договоров.

При определении подлежащего взысканию размера страхового возмещения суд первой инстанции согласился с расчетом утраченного заработка, произведенным истцом. Сумма же страхового возмещения при причинении вреда здоровью определена судом первой инстанции исходя из поставленного истцу диагноза с учетом Правил расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 ноября 2012 г. № 1164.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о наличии у К. права требовать выплаты страхового возмещения одновременно с двух страховщиков.

Вместе с тем, указав, что с учетом солидарной ответственности страховщиков страховое возмещение страховщиком-1 подлежит взысканию в пользу истца за вычетом уже выплаченного страховщиком-2 страхового возмещения, суд апелляционной инстанции изменил решение суда первой инстанции, снизив размер подлежащих взысканию в пользу К. денежных средств.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с ней деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего (п. 1).

При этом владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т.п.) третьим лицам (п. 3).

Таким образом, в последнем случае ответственность наступает для каждого из владельцев источников повышенной опасности.

В п. 1 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации” предусмотрено, что страховая сумма — это денежная сумма, которая определена в порядке, установленном федеральным законом и (или) договором страхования при его заключении, и исходя из которой устанавливаются размер страховой премии (страховых взносов) и размер страховой выплаты при наступлении страхового случая.

В силу п. 1 ст. 4 Закона об ОСАГО владельцы транспортных средств обязаны на условиях и в порядке, которые установлены данным Законом и в соответствии с ним, страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств.

В соответствии со ст. 1 данного Закона страховым случаем является наступление гражданской ответственности владельца транспортного средства за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортного средства, влекущее в соответствии с договором обязательного страхования обязанность страховщика осуществить страховую выплату.

Таким образом, страховым случаем по договору ОСАГО является наступление ответственности владельца транспортного средства при причинении вреда третьим лицам взаимодействием транспортных средств, когда в силу п. 3 ст. 1079 ГК РФ наступает ответственность для каждого из владельцев транспортных средств, имеет место не один страховой случай, а страховой случай для каждого договора ОСАГО.

Такая правовая позиция изложена в утвержденном 10 октября 2012 г. Президиумом Верховного Суда РФ Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2012 года, в частности в ответе на вопрос 1 дано разъяснение о том, что при причинении вреда третьему лицу взаимодействием источников повышенной опасности взыскание страховых выплат в максимальном размере, установленном Законом об ОСАГО, производится одновременно с двух страховщиков, у которых застрахована гражданская ответственность владельцев транспортных средств, в том числе и в случае, если вина одного из владельцев в причинении вреда отсутствует.

В п. 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” также разъяснено, что страховое возмещение в связи с причинением вреда, возникшего в результате дорожно-транспортного происшествия вследствие взаимодействия двух источников повышенной опасности, третьему лицу производится каждым страховщиком, у которых застрахована гражданская ответственность владельцев транспортных средств в пределах страховой суммы, установленной ст. 7 Закона об ОСАГО, по каждому договору страхования.

Подпунктом “а” ст. 7 названного Закона определено, что страховая сумма, в пределах которой страховщик при наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение

срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред, в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, составляет 500 000 руб.

Согласно п. 2 ст. 12 Закона об ОСАГО страховая выплата, причитающаяся потерпевшему за причинение вреда его здоровью в результате дорожно-транспортного происшествия, осуществляется в соответствии с указанным Законом в счет возмещения расходов, связанных с восстановлением здоровья потерпевшего, и утраченного им заработка (дохода) в связи с причинением вреда здоровью в результате дорожно-транспортного происшествия.

Размер страховой выплаты за причинение вреда здоровью потерпевшего определяется в соответствии с нормативами и в порядке, которые установлены Правительством РФ, в зависимости от характера и степени повреждения здоровья потерпевшего в пределах страховой суммы, указанной в подп. “а” ст. 7 данного Закона.

Правилами расчета суммы страхового возмещения при причинении вреда здоровью потерпевшего, утвержденными постановлением Правительства РФ от 15 ноября 2012 г. № 1164, установлен порядок определения суммы страхового возмещения путем умножения предусмотренной Законом страховой суммы на выраженные в процентах нормативы, установленные исходя из характера и степени повреждения здоровья.

Учитывая, что при повреждении здоровья размер страховой выплаты в счет возмещения расходов на восстановление здоровья потерпевшего не связан с какими-либо конкретными материальными убытками и определяется лишь характером и степенью повреждения здоровья потерпевшего в порядке, установленном названным выше нормативным актом, исходя из установленной Законом страховой суммы, то такая сумма является страховым возмещением по каждому договору ОСАГО, в отношении которого страховой случай наступил.

Таким образом, при наступлении у застрахованных ответственность владельцев транспортных средств обязанности возместить третьему лицу вред, причиненный вследствие использования транспортного средства, каждый из застрахованных такую ответственность страховщиков обязан произвести соответствующую выплату по каждому из договоров страхования.

Определение № 16-КГ19-4

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

10. Задолженность наследодателя по алиментам и по уплате неустойки, исчисленной на день смерти наследодателя, является имущественной обязанностью, которая переходит к его наследнику, принявшему наследство, в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Поскольку обязанность по уплате алиментов носит ежемесячный характер, срок исковой давности по требованию о взыскании неустойки за неуплату алиментов исчисляется отдельно по каждому просроченному месячному платежу, а не с даты смерти наследодателя.

И. обратилась в суд с иском к А. о взыскании неустойки за несвоевременную уплату алиментов на содержание несовершеннолетней Д. в размере 561 538 руб. В обоснование заявленных требований истец указала, что решением районного суда О. лишен родительских прав в отношении дочери Д., с него взысканы алименты в пользу И. на со-

держание дочери Д. в размере 1/4 части всех видов заработка начиная с 25 августа 2009 г. и до совершеннолетия дочери. На основании данного решения отделом судебных приставов возбуждено исполнительное производство. 27 апреля 2016 г. О. умер. После смерти наследодателя О. наследниками первой очереди по закону являются несовершеннолетняя дочь Д. и мать А., которые в установленный законом срок приняли наследство. В состав наследственного имущества входит квартира. Общая сумма неустойки по алиментным обязательствам на дату смерти должника составляла 1 123 076 руб. Истец полагала, что поскольку А. приняла наследство, то она также должна отвечать по обязательствам наследодателя, возникшим в связи с несвоевременной уплатой им алиментов.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, искивые требования И. удовлетворены. С А. в пользу И. взыскана неустойка за несвоевременную уплату алиментов на содержание несовершеннолетней Д. в сумме 561 538 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Из постановлений судебного пристава-исполнителя о расчете задолженности О. по алиментам по состоянию на 27 апреля 2016 г. за период с 25 августа 2009 г. по 19 июля 2013 г. и с 20 июля 2013 г. по 27 апреля 2016 г. следует, что она составляет 632 900 руб.

В соответствии со ст. 1110 ГК РФ при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, т.е. в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент.

В силу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается названным Кодексом или другими законами. Не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

В силу п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно (ст. 323 ГК РФ). Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Как разъяснено в пп. 14 и 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 "О судебной практике по делам о наследовании", в состав наследства входит принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства имущество, в частности: вещи, включая деньги и ценные бумаги (ст. 128 ГК РФ); имущественные права (в том числе права, вытекающие из договоров, заключенных наследодателем, если иное не предусмотрено законом или договором; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации; права на получение присужденных насле-

додателю, но не полученных им денежных сумм); имущественные обязанности, в том числе долги в пределах стоимости перешедшего к наследникам наследственного имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ).

Имущественные права и обязанности не входят в состав наследства, если они неразрывно связаны с личностью наследодателя, а также если их переход в порядке наследования не допускается Гражданским кодексом РФ или другими федеральными законами (ст. 418, ч. 2 ст. 1112 ГК РФ). В частности, в состав наследства не входит право на алименты и алиментные обязательства (раздел V СК РФ).

Выплата алиментов, взыскиваемых в судебном порядке, прекращается смертью лица, получающего алименты, или лица, обязанного уплачивать алименты (абз. 6 п. 2 ст. 120 СК РФ).

Из содержания указанных норм в их взаимосвязи следует, что не связанные с личностью наследодателя имущественные права и обязанности входят в состав наследства (наследственного имущества). При этом к наследникам одновременно переходят как права на наследственное имущество, так и обязанности по погашению соответствующих долгов наследодателя, если они имелись на день его смерти. Наследник должника при условии принятия им наследства становится должником кредитора наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Не наследуются и с момента смерти должника прекращаются на будущее обязательства по уплате алиментов как обязательства, неразрывно связанные с личностью должника.

Судебное постановление, предусматривающее взыскание алиментов с обязанного лица, возлагает на него обязанность ежемесячно выплачивать определенную денежную сумму, неуплата которой влечет возникновение денежной задолженности (денежного обязательства).

В силу п. 2 ст. 115 СК РФ (в редакции Федерального закона от 30 июня 2008 г. № 106-ФЗ, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере одной второй процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

При переходе долга наследодателя по алиментным обязательствам в порядке универсального правопреемства к новому должнику (наследнику) к нему же переходит и обязанность по уплате неустойки, исчисленной на день смерти наследодателя, если задолженность по алиментам возникла по вине наследодателя, обязанного уплачивать алименты.

Такое денежное обязательство, так же как и задолженность по алиментам, является долгом, не связанным с личностью, а потому обязанность по его уплате переходит к наследнику должника, которую последний, при условии принятия им наследства, обязан погасить в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Учитывая изложенное, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что обязанность по уплате неустойки по алиментам, исчисленной по день открытия наследства, переходит по наследству.

Между тем, удовлетворяя искивые требования И. в полном объеме и отказывая в применении срока исковой давности, о применении которого было заявлено представителем ответчика при рассмотрении дела судом первой инстанции,

суд исходил из того, что срок исковой давности истцом не пропущен, поскольку на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется.

Суд апелляционной инстанции согласился с указанными выводами суда первой инстанции.

Однако согласно п. 1 ст. 9 СК РФ на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права установлен Кодексом.

Вместе с тем в соответствии со ст. 4 СК РФ к названным в ст. 2 этого Кодекса имуществом и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством (ст. 3 данного Кодекса), применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений.

Пунктом 1 ст. 196 ГК РФ установлен общий срок исковой давности — три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 этого Кодекса.

Согласно п. 2 ст. 199 ГК РФ исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

Таким образом, исходя из положений ст. 4 СК РФ и ст.ст. 196 и 199 ГК РФ суд может по заявлению стороны в споре применить исковую давность и отказать в удовлетворении иска (полностью или в части) о взыскании неустойки по мотиву пропуска срока исковой давности, исчисляемого отдельно по каждому просроченному ежемесячному платежу, поскольку обязанность по уплате алиментов носит ежемесячный характер.

Вывод суда об исчислении срока исковой давности с даты смерти наследодателя не основан на законе.

Поскольку срок давности по иску о взыскании неустойки по алиментам исчисляется отдельно по каждому просроченному ежемесячному платежу, то для правильного разрешения спора суду следовало установить, по каким из месячных платежей срок исковой давности не пропущен.

Между тем суд указанные обстоятельства не определил в качестве юридически значимых, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки суда.

Определение № 18-КГ18-267

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

11. Управляющая компания, на которую возложена обязанность по осуществлению эксплуатационного контроля за техническим состоянием зданий и внутриквартирного оборудования путем осуществления периодических осмотров, имеет право требовать допуска своих представителей в занимаемое потребителем жилое или нежилое помещение.

Управляющая компания обратилась в суд с иском к М., И. о возложении обязанности предоставить доступ в жилое помещение.

Как установлено судом и следует из материалов дела, управляющая компания (истец) осуществляет деятельность по управлению многоквартирным домом на основании протокола итогов заочного голосования собственников помещений многоквартирного дома. Ответчики являются собственниками квартиры в доме, обслуживаемом истцом по договору управления.

По имеющейся у истца информации, в квартире, принадлежащей ответчикам, произведена перепланировка, истец направил ответчикам требование о предоставлении документов, подтверждающих согласование осуществленной перепланировки.

Таких документов истцу предоставлено не было, в связи с чем истец направил ответчикам требование о предоставлении доступа в квартиру для осмотра технического и санитарного состояния внутриквартирного оборудования в целях обеспечения надлежащего обслуживания инженерных систем многоквартирного дома.

Из акта осмотра общедомового имущества в указанной квартире следует, что ответчиками был предоставлен частичный доступ в принадлежащее им жилое помещение.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, сославшись на положения ст.ст. 31 и 161 ЖК РФ, Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденные постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (далее — Правила № 354), исходил из того, что истец имеет право на осмотр внутриквартирного оборудования для предотвращения аварийных ситуаций.

Отменяя решение суда первой инстанции о возложении на ответчиков обязанности обеспечить представителям управляющей компании доступ в принадлежащее им жилое помещение, суд апелляционной инстанции исходил из того, что основания для предоставления доступа в квартиру для осмотра кухни и комнаты отсутствуют, поскольку в указанных помещениях не имеется технического и санитарного внутриквартирного оборудования, с учетом отсутствия аварийных ситуаций. Истцом не представлено доказательств наличия жалоб собственников других помещений многоквартирного дома в связи с проведенным переоборудованием жилого помещения, что свидетельствует об отсутствии нарушения прав истца и иных лиц действиями ответчиков.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, признав их основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Согласно ч. 4 ст. 17 ЖК РФ пользование жилым помещением осуществляется с учетом соблюдения прав и законных интересов проживающих в этом жилом помещении граждан, соседей, требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических, экологических и иных требований законодательства, а также в соответствии с Правилами пользования жилыми помещениями, утвержденными постановлением Правительства РФ от 21 января 2006 г. № 25 (далее — Правила пользования жилыми помещениями), которые в подп. “д” и “и” п. 10 предписывают немедленно принимать возможные меры к устранению обнаруженных неисправностей жилого помещения или санитарно-технического и иного оборудования, находящегося в нем, и в случае необходимости сообщать о них наймодателю или в соответствующую управляющую организацию. В качестве пользователя жилым помещением наниматель обязан допускать в заранее согласованное время в жилое помещение работников наймодателя или уполномоченных им лиц, представителей органов государственного контроля и надзора для осмотра технического и санитарного со-

стояния жилого помещения, санитарно-технического и иного оборудования, находящегося в нем, а также для выполнения необходимых ремонтных работ.

Обязанность поддерживать жилое помещение в надлежащем состоянии, не допуская бесхозяйственного обращения с ним, соблюдать права и законные интересы соседей, правила пользования жилыми помещениями, а также правила содержания общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме ч. 4 ст. 30 ЖК РФ возложена на собственника жилого помещения.

В соответствии с ч. 1 ст. 161 ЖК РФ управление многоквартирным домом должно обеспечивать благоприятные и безопасные условия проживания граждан, надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме, решение вопросов пользования указанным имуществом, а также предоставление коммунальных услуг гражданам, проживающим в таком доме. Правительство РФ устанавливает стандарты и правила деятельности по управлению многоквартирными домами.

Согласно пп. 1, 2, 4 ч. 1¹ указанной статьи Кодекса надлежащее содержание общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме должно осуществляться в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, в том числе в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, о техническом регулировании, пожарной безопасности, защите прав потребителей, и должно обеспечивать:

соблюдение требований к надежности и безопасности многоквартирного дома;

безопасность жизни и здоровья граждан, имущества физических лиц, имущества юридических лиц, государственного и муниципального имущества;

соблюдение прав и законных интересов собственников помещений в многоквартирном доме, а также иных лиц.

Согласно чч. 6, 7, 8 ст. 55²⁴ Градостроительного кодекса РФ в целях обеспечения безопасности зданий, сооружений в процессе их эксплуатации должны обеспечиваться техническое обслуживание зданий, сооружений, эксплуатационный контроль, текущий ремонт зданий, сооружений.

Эксплуатационный контроль за техническим состоянием зданий, сооружений проводится в период эксплуатации таких зданий, сооружений путем осуществления периодических осмотров, контрольных проверок и (или) мониторинга состояния оснований, строительных конструкций, систем инженерно-технического обеспечения и сетей инженерно-технического обеспечения в целях оценки состояния конструктивных и других характеристик надежности и безопасности зданий, сооружений, систем инженерно-технического обеспечения и сетей инженерно-технического обеспечения и соответствия указанных характеристик требованиям технических регламентов, проектной документации.

Техническое обслуживание зданий, сооружений, текущий ремонт зданий, сооружений проводятся в целях обеспечения надлежащего технического состояния таких зданий, сооружений. Под надлежащим техническим состоянием зданий, сооружений понимаются поддержание параметров устойчивости, надежности зданий, сооружений, а также исправность строительных конструкций, систем инженерно-тех-

нического обеспечения, сетей инженерно-технического обеспечения, их элементов в соответствии с требованиями технических регламентов, проектной документации.

Эксплуатация многоквартирных домов осуществляется с учетом требований жилищного законодательства (ч. 10 ст. 55²⁴ Градостроительного кодекса РФ).

Состав минимального перечня необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме услуг и работ, порядок их оказания и выполнения устанавливаются Правительством РФ (ч. 1² ст. 161 ЖК РФ).

Согласно подп. “а”, “б” и “г” п. 10 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, общее имущество должно содержаться в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации (в том числе о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, техническом регулировании, защите прав потребителей) в состоянии, обеспечивающем:

соблюдение характеристик надежности и безопасности многоквартирного дома;

безопасность для жизни и здоровья граждан, сохранность имущества физических или юридических лиц, государственного, муниципального и иного имущества;

соблюдение прав и законных интересов собственников помещений, а также иных лиц.

Содержание общего имущества в зависимости от состава, конструктивных особенностей, степени физического износа и технического состояния общего имущества, а также в зависимости от геодезических и природно-климатических условий расположения многоквартирного дома включает в себя осмотр общего имущества, осуществляемый собственниками помещений и указанными в п. 13 приведенных Правил ответственными лицами, обеспечивающий своевременное выявление несоответствия состояния общего имущества требованиям законодательства Российской Федерации, а также угрозы безопасности жизни и здоровья граждан.

Осмотры общего имущества в зависимости от способа управления многоквартирным домом проводятся собственниками помещений, лицами, привлекаемыми собственниками помещений на основании договора для проведения строительно-технической экспертизы, или ответственными лицами, являющимися должностными лицами органов управления товарищества собственников жилья, жилищного, жилищно-строительного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива или управляющей организацией, а при непосредственном управлении многоквартирным домом — лицами, оказывающими услуги и (или) выполняющими работы (пп. 11, 13 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме).

В соответствии с подп. “б” п. 32 Правил № 354 исполнитель (юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, предоставляющие по-

ребителю коммунальные услуги, — абз. 7 п. 2 данных Правил) имеет право требовать допуска в заранее согласованное с потребителем время, но не чаще 1 раза в 3 месяца, в занимаемое потребителем жилое или нежилое помещение представителей исполнителя (в том числе работников аварийных служб) для осмотра технического и санитарного состояния внутриквартирного оборудования, для выполнения необходимых ремонтных работ и проверки устранения недостатков предоставления коммунальных услуг — по мере необходимости, а для ликвидации аварий — в любое время.

В силу подп. “е” п. 34 Правил № 354 потребитель обязан допускать представителей исполнителя (в том числе работников аварийных служб), представителей органов государственного контроля и надзора в занимаемое жилое помещение для осмотра технического и санитарного состояния внутриквартирного оборудования в заранее согласованное с исполнителем в порядке, указанном в п. 85 данных Правил, время, но не чаще 1 раза в 3 месяца, для проверки устранения недостатков предоставления коммунальных услуг и выполнения необходимых ремонтных работ — по мере необходимости, а для ликвидации аварий — в любое время.

По смыслу приведенных норм требования по осуществлению технического обслуживания и текущего ремонта носят обязательный характер, относятся как к зданию и сооружению в целом, так и к входящим в состав таких объектов системам инженерно-технического обеспечения и их элементам, внутриквартирному оборудованию и являются неотъемлемой частью процесса эксплуатации этих систем, оборудования, обеспечивающей его безопасность. При этом техническое состояние внутриквартирного оборудования должно соответствовать установленным требованиям и быть готово для предоставления коммунальных услуг, что является условием предоставления коммунальных услуг потребителю в многоквартирном доме или в жилом доме (домовладении) (подп. “е” п. 3 Правил № 354).

Приведенные нормы определяют порядок обслуживания и ремонта жилищного фонда с целью обеспечения сохранности жилищного фонда всех форм собственности; обеспечения выполнения требований действующих нормативов по содержанию и ремонту жилых домов, их конструктивных элементов и инженерных систем и предусматривают обязанность исполнителя осуществлять эксплуатационный контроль за техническим состоянием зданий и внутриквартирного оборудования путем осуществления периодических осмотров, для чего он имеет право требовать допуска в заранее согласованное с потребителем время, но не чаще 1 раза в 3 месяца, в занимаемое потребителем жилое или нежилое помещение представителей исполнителя.

С учетом изложенного Судебная коллегия признала ошибочным вывод суда апелляционной инстанции о том, что право требовать допуска в занимаемое потребителем помещение у представителей исполнителя имеется только тогда, когда такое требование обусловлено аварийной ситуацией или жалобами других потребителей на нарушение их законных прав. Как было указано выше, такое право имеется у представителей исполнителя в силу прямого указания в законе, не зависит от конкретных обстоятельств и установлено в том числе для профилактики и предупреж-

дения аварийных ситуаций или возможных нарушений прав граждан в будущем.

Определение № 4-КГ19-6

12. Ни федеральным законодательством, ни региональной адресной программой не установлена доплата гражданам, переселяемыми из жилых помещений в аварийном многоквартирном доме, разницы между стоимостью изымаемого жилого помещения и вновь предоставляемого.

П., Н., И. обратились в суд с иском к местной администрации об урегулировании разногласий, возникших между сторонами при заключении соглашения об изъятии принадлежащего истцам на праве собственности жилого помещения.

Как установлено судом, истцы являются со-собственниками спорной квартиры.

Заключением межведомственной комиссии жилой дом, в котором расположена указанная квартира, признан аварийным и подлежащим сносу. Данный жилой дом включен в список домов, участвующих в адресной программе Архангельской области “Переселение граждан из аварийного жилищного фонда” на 2013—2017 годы, утвержденной постановлением правительства Архангельской области от 23 апреля 2013 г. № 173-пп (далее — Программа).

В силу распоряжения местной администрации от 10 февраля 2016 г. № 65-риз указанная квартира истцов подлежит изъятию.

Соглашением от 21 ноября 2017 г. стороны предусмотрели изъятие принадлежащего истцам на праве собственности жилого помещения с предоставлением взамен другого жилого помещения с доплатой за предоставляемое жилое помещение в размере 1 813 000 руб.

Доплата обусловлена разницей между рыночной стоимостью предоставляемого собственникам жилого помещения (4 192 000 руб.) и рыночной стоимостью изымаемого жилого помещения (2 379 000 руб.).

Указанное соглашение было подписано истцами с учетом протокола разногласий к соглашению, в котором собственники выразили несогласие с пунктами соглашения, предусматривающими предоставление жилого помещения взамен изымаемого при условии доплаты в пользу муниципального органа разницы между выкупной стоимостью изымаемого жилого помещения и рыночной стоимостью предоставляемой квартиры.

Протоколом согласования разногласий к протоколу разногласий к договору местная администрация не согласилась с предложенной истцами редакцией договора, оставив условия в первоначальном виде.

Разрешая спор и возлагая обязанность на ответчика предоставить истцам жилое помещение, суд первой инстанции со ссылкой на п. 3 ст. 2, ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ “О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства” указал, что, поскольку жилой дом, в котором находится принадлежащее истцам жилое помещение, признан аварийным и подлежащим сносу и включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, истцами избран способ обеспечения своих прав путем предоставления иного жилого помещения в собственность взамен аварийного, следовательно, требования местной администрации о выплате собственниками разницы стоимости между изымаемым и предоставленным за счет муниципальной казны

жилыми помещениями являются незаконными, в связи с чем удовлетворил заявленные требования частично.

Отменяя решение суда первой инстанции, судебная коллегия указала на то, что жилищное законодательство предусматривает в отсутствие соглашения сторон возникновение обязанности собственника изымаемого жилого помещения в случае предоставления жилого помещения стоимостью выше выкупной цены оплатить разницу между ними. Ввиду превышения стоимости нового жилого помещения над выкупной ценой изымаемой квартиры местной администрацией в проект соглашения включено условие о выплате истцами денежной суммы в счет имеющейся разницы, с чем они не согласились. Указанные обстоятельства в своей совокупности свидетельствуют о недостижении органом местной власти и истцами соглашения относительно условий изъятия у них жилого помещения и предоставления другого жилого помещения взамен изымаемого.

Поскольку, обращаясь в суд, истцы настаивали на заключении соглашения в редакции, не предусматривающей доплаты разницы между стоимостью предоставляемого жилого помещения и выкупной ценой изымаемого жилого помещения, что противоречит действующему законодательству, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ в целях создания безопасных и благоприятных условий проживания граждан, повышения качества реформирования жилищно-коммунального хозяйства, формирования эффективных механизмов управления жилищным фондом, внедрения ресурсосберегающих технологий устанавливает правовые и организационные основы предоставления финансовой поддержки субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям на проведение капитального ремонта многоквартирных домов, переселение граждан из аварийного жилищного фонда, модернизацию систем коммунальной инфраструктуры путем создания некоммерческой организации, осуществляющей функции по предоставлению такой финансовой поддержки, определяет компетенцию, порядок создания некоммерческой организации и ее деятельности, регулирует отношения между указанной некоммерческой организацией, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления (ст. 1).

В п. 3 ст. 2 этого Закона определено, что под переселением граждан из аварийного жилищного фонда понимается принятие решений и проведение мероприятий в соответствии со ст.ст. 32, 86, чч. 2 и 3 ст. 88 ЖК РФ.

Согласно правовой позиции, изложенной в разделе II Обзора судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г., в случае если жилой дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то собственник жилого помещения в таком доме в силу п. 3 ст. 2, ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ имеет право на предоставление другого жилого помещения в собственность либо его выкуп.

При этом собственник жилого помещения имеет право выбора любого из названных способов обеспечения его жилищных прав.

Разделом V Программы предусмотрено, что в рамках реализации мероприятий Программы по заявкам Архангельской области, одобренным правлением фонда после 1 августа 2013 г., т.е. начиная со второго этапа Программы, при строительстве и (или) приобретении жилых помещений оплата общей площади построенных и (или) приобретенных жилых помещений в размере, превышающем общую площадь соответствующих расселяемых жилых помещений, осуществляется за счет средств фонда и областного бюджета. При этом стоимость приобретенного и (или) построенного жилого помещения за счет средств фонда и областного бюджета не может превышать стоимость переселения соответствующего многоквартирного дома за счет средств фонда и областного бюджета, которая рассчитана в соответствии с разделом III Программы и указана в приложении № 1 к Программе. В случае если стоимость приобретаемого и (или) строящегося жилого помещения в рамках Программы превышает стоимость переселения, определенную в соответствии с Программой исходя из общей площади расселяемого жилого помещения соответствующего многоквартирного дома, данное превышение оплачивается за счет средств местного бюджета муниципального образования, на территории которого находится расселяемый многоквартирный дом.

Гражданам, выселяемым из жилых помещений в аварийном многоквартирном доме, принадлежащих им на праве собственности, предоставляется право выбора в соответствии со ст. 32 ЖК РФ получить возмещение за изымаемые у них жилые помещения или по соглашению с собственником ему предоставляется другое жилое помещение.

Таким образом, ни федеральным законодательством, ни региональной адресной программой не установлена доплата гражданами, переселяемыми из жилых помещений в аварийном многоквартирном доме, разницы между стоимостью изымаемого жилого помещения и вновь предоставляемого.

Данный вывод также подтверждается разделом VI Программы, который не содержит положений, предусматривающих возможность приобретения жилых помещений за счет средств граждан, переселяемых из аварийного жилья. Согласно указанному разделу источниками финансиро-

вания Программы являются средства областного бюджета, средства местных бюджетов и средства фонда.

Определение № 1-КГ19-9

Разрешение споров, возникающих из пенсионных отношений

13. Переселение пенсионера в пределах государств — участников Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. влечет прекращение выплаты ему пенсии по прежнему месту жительства в случае, если пенсия того же вида ему выплачивается по новому месту жительства.

К. первоначально обратился 21 декабря 2017 г. в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения об удержании пенсии, об обязанности возобновить выплату пенсии, о взыскании судебных расходов.

В обоснование требований истец ссылался на то, что с 1 декабря 1997 г. является получателем пенсии за выслугу лет по линии Минобороны России, которая с 1 января 2012 г. выплачивается ему через военный комиссариат.

В связи с наличием у К. с 4 января 2014 г. вида на жительство в Республике Беларусь 3 марта 2017 г. военным комиссариатом принято решение о приостановлении с 1 апреля 2017 г. выплаты К. пенсии за выслугу лет.

К. в адрес военного комиссариата направлены заявления о незаконном приостановлении выплаты пенсии за выслугу лет и о возобновлении выплаты пенсии в связи с наличием у него постоянной регистрации по месту жительства на территории Российской Федерации и аннулированием в 2017 году вида на жительство в Республике Беларусь.

На обращения К. по вопросу приостановления выплаты пенсии за выслугу лет письмом военного комиссариата от 31 октября 2017 г. ему было сообщено о том, что по результатам проверочных мероприятий подтвержден факт получения К. разрешения на постоянное проживание на период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г. в Республике Беларусь. В названный период военным комиссариатом К. незаконно выплачена пенсия по линии Минобороны России, в связи с чем военным комиссариатом принято решение об удержании из выплачиваемой К. пенсии за выслугу лет 20% от причитающейся К. к выплате пенсии.

В дальнейшем распоряжением военного комиссариата от 18 января 2018 г. К. возобновлена выплата пенсии с 1 апреля 2017 г.

По мнению К., действия военного комиссариата по приостановлению выплаты ему пенсии за выслугу лет и удержанию суммы выплаченной ему пенсии в период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г. являются незаконными, поскольку правом постоянного проживания в Республике Беларусь он не воспользовался, с 22 января 2014 г. осуществлял трудовую деятельность в Российской Федерации в районе Крайнего Севера, с января 2012 г. имел регистрацию по месту пребывания на территории Российской Федерации, с апреля 2017 г. — регистрацию по месту жительства на территории Российской Федерации.

С учетом уточненных исковых требований К. просил суд признать незаконным решение военного комиссариата об удержании суммы пенсии, взыскать с ответчика судебные расходы.

Представители ответчика искивые требования в суде не признали.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований К. о признании незаконным решения военного комиссариата об удержании суммы пенсии, суд первой инстанции со ссылкой на положения Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. (далее — Соглашение от 13 марта 1992 г.), Соглашения о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств — участников Содружества Независимых Государств от 15 мая 1992 г. (далее — Соглашение от 15 мая 1992 г.), нормы Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей”, Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” и Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях” исходил из того, что общий порядок назначения и выплаты пенсии за выслугу лет предполагает ее выплату по месту жительства или месту пребывания пенсионера в пределах территории Российской Федерации и что необходимым условием выплаты пенсии на территории Российской Федерации является постоянное проживание пенсионера в Российской Федерации. Поскольку по результатам проведенных военным комиссариатом проверочных мероприятий был установлен факт выезда К. на постоянное место жительства в Республику Беларусь, а также отсутствовали сведения о его постоянном проживании по месту регистрации на территории Российской Федерации в период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г., суд первой инстанции пришел к выводу о наличии у ответчика оснований для принятия решения о приостановлении истцу выплаты пенсии с 1 апреля 2017 г. и об удержании суммы пенсии, выплаченной в период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г. (период наличия у К. вида на жительство в Республике Беларусь).

В обоснование вывода о законности принятия военным комиссариатом решения об удержании с К. суммы пенсии, выплаченной ему в период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г., суд первой инстанции также сослался на то, что К., приняв на себя обязательство по сообщению в пенсионный орган о своем убытии на постоянное место жительства в другое государство или о переселении в пределах Российской Федерации, о данных фактах в пенсионный орган не сообщил, что повлекло выплату военным комиссариатом пенсии не по месту постоянного проживания К.

Установив, что военный комиссариат возобновил с 1 апреля 2017 г. выплату К. пенсии за выслугу лет ввиду устранения обстоятельств, препятствующих ее получению, суд пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требований истца об обязанности ответчика возобновить выплату пенсии.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно указав на то, что К. допустил злоупотребление правом, не сооб-

шив в пенсионный орган военного комиссариата о выезде в Республику Беларусь на постоянное проживание и получении в связи с этим права на пенсионное обеспечение на территории этого государства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций о наличии у военного комиссариата оснований для принятия решения об удержании с К. суммы пенсии, выплаченной ему в период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г., неправомерными ввиду следующего.

В п. 1 ст. 8 Федерального закона “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” предусмотрено, что пенсия за выслугу лет, пенсия по инвалидности военнослужащим (за исключением граждан, проходивших военную службу по призыву в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин) и пенсия по случаю потери кормильца членам их семей назначаются в порядке, предусмотренном Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1.

В ст. 1 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 перечислены категории лиц, на которых распространяется действие данного Закона, в частности на лиц, проходивших военную службу в качестве офицеров, прапорщиков и мичманов или военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в Вооруженных Силах Российской Федерации, других воинских формированиях Российской Федерации, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, и семьи этих лиц.

Согласно п. “а” ч. 1 ст. 11 этого Закона пенсионное обеспечение военнослужащих, уволенных из Объединенных Вооруженных Сил СНГ, Вооруженных Сил Российской Федерации, железнодорожных войск и других воинских формирований Российской Федерации, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации (кроме формирований, перечисленных в пп. “б” и “в” этой статьи), лиц, указанных в ч. 1 ст. 3 данного Закона, а также их семей осуществляется Минобороны России.

В чч. 1, 9, 10 ст. 56 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 установлено, что выплата пенсий, предусмотренных этим Законом, осуществляется по месту жительства или месту пребывания пенсионеров в пределах территории Российской Федерации пенсионными органами федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, указанных в ст. 11 данного Закона, через ПАО “Сбербанк России” путем зачисления соответствующих сумм во вклады либо перевода соответствующих сумм через организацию федеральной почтовой связи.

При переезде пенсионера на новое место жительства или место пребывания в пределах территории Российской Федерации выплата и доставка пенсии осуществляются по его новому месту жительства или месту пребывания в пределах территории Российской Федерации на основании пенсионного дела и документов о регистрации по месту жительства или месту пребывания, выданных в установленном порядке органами регистрационного учета, а при отсутствии у пенсионера регистрации по новому месту жительства или месту пребывания на территории Российской Федерации — на основании его пенсионного дела и личного заявления с указанием места жительства или места пребывания.

По желанию пенсионера пенсия может выплачиваться по доверенности, выдаваемой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Выплата пенсии по доверенности, срок действия которой превышает один год, производится в течение всего срока действия доверенности при условии ежегодного подтверждения пенсионером факта регистрации его по месту жительства или месту пребывания в пределах территории Российской Федерации.

В силу ч. 12 ст. 56 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 лица, указанные в ст. 1 данного Закона, несут ответственность за недостоверность сведений, содержащихся в заявлениях, представляемых ими в пенсионный орган для назначения и выплаты пенсии. В случае, если представление недостоверных сведений или несвоевременное представление сведений повлекло перерасход средств на выплату пенсий, виновные лица возмещают государству причиненный ущерб в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 62 указанного Закона удержание из пенсии, выплачиваемой в соответствии с данным Законом, производится на основании судебных решений, определений, постановлений и приговоров (в части имущественных взысканий), исполнительных надписей нотариальных контор и других решений и постановлений, исполнение которых в соответствии с законодательством производится в порядке, установленном для исполнения судебных решений. Сумма пенсии или пособия, излишне выплаченная пенсионеру вследствие злоупотребления с его стороны, может удерживаться из пенсии на основании решения соответствующего пенсионного органа ежемесячно в размере, не превышающем 20% причитающейся к выплате пенсии, сверх удержаний по другим основаниям. Во всех случаях обращения взыскания на пенсию за пенсионером сохраняется не менее 50% причитающейся ему пенсии.

Исходя из приведенного нормативного правового регулирования, возложение на пенсионера ответственности по возмещению ущерба, причиненного органу, осуществляющему пенсионное обеспечение, в виде удержания части суммы выплачиваемой ему на основании Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 пенсии за выслугу лет возможно, если установлена вина этого пенсионера в представлении недостоверных сведений в пенсионный орган для назначения и выплаты ему пенсии, а также если причиненный ущерб являлся следствием противоправных действий (или бездействия) пенсионера, неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него законом обязанностей. При этом причиненный пенсионером государству ущерб должен быть выражен в перерасходе средств при необоснованной выплате этому лицу пенсии.

Статьей 2 Соглашения от 13 марта 1992 г. определено, что пенсионное обеспечение военнослужащих Вооруженных Сил государств — участников Содружества регулируется специальным соглашением.

Специальным соглашением, регулирующим вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих, является Соглашение от 15 мая 1992 г.

В ст. 1 Соглашения от 15 мая 1992 г. предусмотрено, что пенсионное обеспечение военнослужащих Вооруженных Сил государств — участников Содружества осуществляется на условиях, по нормам и в порядке, которые установлены или будут установлены законодательством госу-

дарств-участников, на территории которых проживают указанные военнослужащие.

Согласно ст. 7 Соглашения от 13 марта 1992 г. при переселении пенсионера в пределах государств — участников Соглашения выплата пенсии по прежнему месту жительства прекращается, если пенсия того же вида предусмотрена законодательством государства по новому месту жительства пенсионера. Размер пенсии пересматривается в соответствии с законодательством государств — участников Соглашения по новому месту жительства пенсионера.

В силу названных положений Соглашений от 13 марта 1992 г. и от 15 мая 1992 г. для пенсионера, пенсионное обеспечение которого осуществляется в соответствии с данными Соглашениями, необходимым условием выплаты пенсии на территории Российской Федерации является постоянное проживание пенсионера в Российской Федерации. Переселение пенсионера в пределах государств — участников указанных Соглашений влечет прекращение выплаты ему пенсии по прежнему месту жительства в случае, если пенсия того же вида предусмотрена законодательством государства по новому месту жительства пенсионера.

При решении вопроса о законности действий военного комиссариата по удержанию с К. суммы пенсии, выплаченной ему в период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г., судебные инстанции исходили из того, что в названный период К. фактически не проживал на территории Российской Федерации, поскольку имел вид на жительство и был зарегистрирован по месту жительства в Республике Беларусь, однако, приняв на себя обязательство по уведомлению пенсионного органа о смене места жительства, не сообщил в пенсионный орган достоверные сведения о постоянном проживании на территории другого государства. Ссылаясь на указанные обстоятельства, судебные инстанции пришли к выводу о наличии у ответчика оснований для взыскания с истца выплаченной ему суммы пенсии за период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г.

Между тем с учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права, заявленных истцом требований и их обоснования, а также доводов ответчика о незаконности выплаты К. пенсии за выслугу лет в спорный период суду при решении вопроса о возможности возложения на истца ответственности по возмещению ущерба, причиненного органу, осуществляющему пенсионное обеспечение, в виде удержания части суммы выплачиваемой ему пенсии за выслугу лет (20% ежемесячно) следовало установить юридически значимые по данному делу обстоятельства, а именно: выплачивалась ли К. в спорный период пенсия за выслугу лет в Республике Беларусь, что в случае подтверждения данного факта свидетельствовало бы о необоснованной выплате ему пенсионным органом военного комиссариата пенсии за выслугу на территории Российской Федерации и в связи с этим о перерасходе денежных средств на пенсионное обеспечение.

Из материалов дела следует, что К. является гражданином Российской Федерации, в период с 14 ноября 2011 г. по 14 ноября 2014 г. и позже по август 2017 г. К. был зарегистрирован по месту пребывания на территории Российской Федерации. С 7 апреля 2017 г. К. зарегистрирован по месту жительства в Российской Федерации в жилом доме, принадлежащем ему на праве собственности.

Он имеет право на получение пенсии за выслугу лет на основании Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1, каких-либо сведений о назначении К. пенсии за выслугу лет на территории Республики Беларусь в период с 4 января 2014 г. по 20 июля 2017 г. материалы дела не содержат.

Определение № 91-КГ19-2

Процессуальные вопросы

14. Льгота в виде освобождения пенсионеров от уплаты государственной пошлины по искам имущественного характера к пенсионным органам предоставляется им не только при подаче исков в суд, но и на всех стадиях рассмотрения дела.

Решением суда удовлетворены иски требования И. к пенсионному органу о включении в страховую стаж периода работы, перерасчете размера страховой пенсии по старости.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции было отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований И.

Пенсионный орган обратился в суд с заявлением о взыскании с И. судебных расходов на оплату государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы в сумме 3000 руб.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, заявление пенсионного органа удовлетворено. С И. в пользу пенсионного органа взысканы расходы на уплату государственной пошлины в размере 3000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные постановления и отказала в удовлетворении заявления пенсионного органа по следующим основаниям.

В силу чч. 1 и 2 ст. 88 ГПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

Размер и порядок уплаты государственной пошлины устанавливаются федеральными законами о налогах и сборах.

В соответствии со ст. 89 ГПК РФ льготы по уплате государственной пошлины предоставляются в случаях и порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

По общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 указанного Кодекса. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные в этой статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

Правила, изложенные в ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, относятся также к распределению судебных расходов, понесенных сторонами в связи с ведением дела в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях (ч. 2 ст. 98 ГПК РФ).

Вместе с тем в целях предоставления дополнительных гарантий гражданам-пенсионерам при обращении их в суд с исками по требованиям, вытекающим из пенсионных отношений, и обеспечения их права на судебную защиту при рассмотрении судом споров по таким требованиям Налоговым кодексом РФ установлено исклю-

чение из общего правила о распределении судебных расходов.

Согласно подп. 5 п. 2 ст. 333³⁶ НК РФ от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым Верховным Судом РФ в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации и законодательством об административном судопроизводстве, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, освобождаются истцы — пенсионеры, получающие пенсии, назначаемые в порядке, установленном пенсионным законодательством Российской Федерации, по искам имущественного характера, по административным искам имущественного характера к Пенсионному фонду РФ, негосударственным пенсионным фондам либо к федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим пенсионное обеспечение лиц, проходивших военную службу. Из содержания приведенной нормы Кодекса следует, что льгота названной категории лиц предоставляется в виде освобождения их от уплаты государственной пошлины не только при подаче иска в суд, но и на всех стадиях рассмотрения дела.

Как разъяснено в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 30 “О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии”, если истец был освобожден от уплаты государственной пошлины, она взыскивается с ответчика в соответствующий бюджет пропорционально удовлетворенной части исковых требований исходя из той суммы, которую должен был уплатить истец, если бы он не был освобожден от уплаты государственной пошлины (ч. 1 ст. 103 ГПК РФ, подп. 8 п. 1 ст. 333²⁰ НК РФ).

В Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2005 года, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10 августа 2005 г., в ответе на вопрос 1 раздела “Процессуальные вопросы” содержится правовая позиция, согласно которой возложение на истца, освобожденного в соответствии с действующим законодательством от уплаты государственной пошлины, обязанности ее уплатить в случае, если при рассмотрении дела в первой инстанции удовлетворены требования истца, а при дальнейшем пересмотре дела вынесено решение в пользу ответчика, неправомерно.

Как следует из приведенных нормативных положений и разъяснений Верховного Суда РФ по их применению, законодатель, предопределяя обязанность государства обеспечивать надлежащую защиту прав и законных интересов граждан-пенсионеров как экономически более слабой стороны в пенсионном правоотношении, учитывая материальные возможности пенсионеров, предоставил дополнительную гарантию таким гражданам при обращении их в суд с иском к пенсионному органу о защите нарушенных или оспариваемых пенсионных прав, освободив их от уплаты государственной пошлины.

Таким образом, на гражданина-пенсионера, обратившегося в суд с иском к пенсионному органу, в том числе с требованием о включении в страховой стаж периода работы, перерасчете размера страховой пенсии по старости, не может быть возложена обязанность по оплате судебных расходов пенсионного органа, в пользу которого состоялось решение суда, включая оплату им государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы.

Суд первой инстанции не применил положения подп. 5 п. 2 ст. 333³⁶ НК РФ при разрешении вопроса по заявлению пенсионного органа о взыскании с И. в пользу пенсионного органа судебных расходов.

Суд апелляционной инстанции, признавая правильным вывод суда первой инстанции об удовлетворении заявления пенсионного органа о взыскании с И. судебных расходов (госпошлины, уплаченной пенсионным органом при подаче апелляционной жалобы), вследствие неправильного толкования положений подп. 5 п. 2 ст. 333³⁶ НК РФ пришел к ошибочному выводу о том, что, поскольку И. обращалась в суд с требованием о перерасчете размера страховой пенсии по старости, которая назначена ей не в связи с прохождением военной службы, данная норма не подлежит применению при разрешении вопроса о взыскании судебных расходов.

Однако, делая такой вывод, суд апелляционной инстанции неправильно истолковал указанную норму Налогового кодекса РФ и не принял во внимание, что спор по иску И. к пенсионному органу о включении в страховой стаж периода работы, перерасчете размера страховой пенсии по старости относится к категории пенсионных споров, при разрешении которых с учетом предъявленных пенсионером требований к пенсионному органу о защите нарушенных пенсионных прав подлежат применению нормы подп. 5 п. 2 ст. 333³⁶ НК РФ об освобождении истцов-пенсионеров от оплаты государственной пошлины вне зависимости от результатов рассмотрения дела.

При таких обстоятельствах оснований для возложения на истца И., являющуюся пенсионером, обязанности по возмещению пенсионному органу понесенных расходов, связанных с оплатой государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы, у судебных инстанций не имелось.

Определение № 4-КГ19-14

15. Изменение статуса третьего лица на соответчика на стадии рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции признано неправомерным.

Прокурор в интересах Б. обратился в суд с иском к обществу о взыскании ущерба, причиненного залитом квартирой, компенсации морального вреда.

В обоснование иска прокурор указал, что в результате повреждения внутридомовой инженерной системы отопления произошло затопление принадлежащей Б. квартиры. Управляющей организацией многоквартирного дома, в котором расположена квартира Б., является общество (ответчик по делу). По мнению истца, общество ненадлежащим образом выполняло обязанности по содержанию общедомового имущества — стояка отопления, вследствие чего произошло затопление, повлекшее для Б. ущерб.

Определением суда к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика привлечены индивидуальный предприниматель К. (далее — ИП К.) и государственное предприятие Еврейской автономной области “Облэнергоремонт”.

Разрешая спор и частично удовлетворяя искивые требования, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст.ст. 15, 1064 ГК РФ, ст.ст. 161, 162 ЖК РФ, Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей”, Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением

Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491, пришел к выводу о том, что в результате ненадлежащего выполнения управляющей организацией возложенных на нее обязанностей по содержанию общего имущества многоквартирного дома произошел прорыв стояка отопления, относящегося к общему имуществу многоквартирного дома, имуществу истца причинен ущерб, обязанность по возмещению которого должна быть возложена на общество (управляющую организацию).

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований к обществу и о частичном удовлетворении иска к ИП К., суд апелляционной инстанции исходил из того, что залив квартиры истца произошел по вине лица, установившего при проведении капитального ремонта многоквартирного дома трубу системы отопления ненадлежащего качества в рамках заключенного между ТСЖ и ИП К. договора. При этом процессуальный статус ИП К. с третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, в рамках рассмотрения апелляционной жалобы судебной коллегией был изменен на соответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Согласно ч. 1 ст. 43 ГПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судом первой инстанции судебного постановления по делу, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон.

Из материалов дела следует, что процессуальный статус ИП К. в суде первой инстанции — третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика.

В силу ч. 1 ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, по смыслу ст. 327 ГПК РФ повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию в пределах доводов апелляционной жалобы, представления и в рамках тех требований, которые уже были предметом рассмотрения в суде первой инстанции.

Правила о соединении и разъединении нескольких исковых требований, об изменении предмета или основания иска и размера исковых требований, о предъявлении встречного иска, замене ненадлежащего ответчика и привлечении к участию в деле третьих лиц в суде апелляционной инстанции в силу ч. 6 ст. 327 ГПК РФ не применяются.

Только в случае, когда суд апелляционной инстанции в соответствии с чч. 4 и 5 ст. 330 ГПК РФ переходит к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ, ограничения, предусмотренные ч. 6 ст. 327 ГПК РФ, не применяются.

Поскольку по данному делу отсутствуют предусмотренные чч. 4 и 5 ст. 330 ГПК РФ обстоятельства, суд апелляционной инстанции рассматривал дело по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ.

Между тем в нарушение требований ч. 6 ст. 327 ГПК РФ определением судебной коллегии по гражданским делам суда Еврейской автономной области от 15 августа 2018 г. изменен процессуальный статус ИП К. — с третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика на соответчика.

Как усматривается из материалов дела, иск заявлен к обществу о возмещении ущерба, причиненного заливом квартиры, со ссылкой на ненадлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме.

При этом в судебном заседании суда апелляционной инстанции прокурор, истец Б., представитель третьего лица ИП К. возражали против изменения процессуального статуса ИП К., полагая необходимым разрешить дело по тому иску, который предъявлен в рамках заявленных правоотношений, и в отношении того ответчика, к которому заявлен иск.

Требований к ИП К. о возмещении ущерба, основанных на некачественном выполнении работ по замене системы трубопровода при проведении капитального ремонта, которые рассмотрел суд апелляционной инстанции, истец не заявлял, в силу чего они не были предметом рассмотрения в суде первой инстанции и также не могли быть рассмотрены судом апелляционной инстанции, поскольку суд обязан разрешить дело по тому иску, который предъявлен, и в отношении тех ответчиков, которые указаны истцом, что согласуется с положениями ч. 3 ст. 196 и ст. 327 ГПК РФ.

Рассматривая апелляционную жалобу общества и проверяя законность решения суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции в нарушение положений ст.ст. 327, 327¹ ГПК РФ вышел за пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, по собственной инициативе изменил статус третьего лица, привлеченного в порядке ст. 43 ГПК РФ, на соответчика.

Вместе с тем изменение процессуального статуса ИП К. с третьего лица на соответчика на стадии рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции ограничило его процессуальные права как стороны по делу, в то время как в силу ч. 3 ст. 38 ГПК РФ стороны должны пользоваться равными процессуальными правами, предусмотренными ст. 35 ГПК РФ.

Также судом апелляционной инстанции при разрешении спора не учтен тот факт, что внутридомовая система отопления, состоящая из стояков, включается в состав общего имущества, обязанность содержания которого в соответствии с ч. 2³ ст. 161 ЖК РФ при управлении многоквартирным домом управляющей организацией возложена на управляющую организацию, которая несет ответственность перед собственниками помещений в многоквартирном доме за оказание всех услуг и выполнение работ, которые обеспечивают надлежащее содержание общего имущества в данном доме и качество которых должно соответствовать требованиям технических регламентов и установленных Правительством РФ правил содержания общего имущества в многоквартирном доме.

Определение № 65-КГ19-3

16. В качестве уважительных причин пропуска срока подачи кассационной жалобы могут быть признаны не только обстоятельства, относящиеся к личности заявителя, такие как тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п., но и обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, добросовестно пользующемуся своими процессуальными правами, реализовать право на обжалование судебного постановления в установленный законом срок, включая разумный срок для ознакомления с судебным актом и для подготовки документа лицом, которому судебный акт был направлен по почте.

Т. через своего представителя 15 апреля 2016 г. обратилась в суд с иском к организации о признании приказа об увольнении незаконным, восстановлении на работе, взыскании пособия по беременности и родам, единовременного пособия при рождении ребенка и ежемесячного пособия по уходу за ребенком, судебных расходов, компенсации морального вреда.

Судом установлено и следует из материалов дела, что решением суда от 2 сентября 2016 г. Т. отказано в удовлетворении исковых требований к организации о признании приказа об увольнении незаконным, восстановлении на работе, взыскании пособия по беременности и родам, единовременного пособия при рождении ребенка и ежемесячного пособия по уходу за ребенком, судебных расходов, компенсации морального вреда.

Апелляционным определением от 15 декабря 2016 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

13 июня 2017 г. Т. в президиум суда кассационной инстанции была подана кассационная жалоба на решение суда от 2 сентября 2016 г. и апелляционное определение от 15 декабря 2016 г.

Определением судьи суда кассационной инстанции от 23 июня 2017 г. кассационная жалоба была возвращена заявителю без рассмотрения по существу. Основанием для возврата жалобы явилось невыполнение заявителем требований пп. 5 и 7 ч. 1 и ч. 5 ст. 378 ГПК РФ: жалоба не содержала надлежащего указания на обжалуемое судебное постановление и просьбу об отмене судебного постановления с правильной датой, принятого по гражданскому делу по иску Т.; приложенная к кассационной жалобе копия апелляционного определения от 15 декабря 2016 г. не была оформлена надлежащим образом, так как содержала пометки, подчеркивания и неоговоренные судом исправления.

28 июня 2017 г. копия данного определения была направлена по адресу, указанному в кассационной жалобе, и получена Т. 7 июля 2017 г.

Полагая, что срок на подачу кассационной жалобы пропущен ею по уважительным причинам, Т. 10 июля 2017 г. обратилась в районный суд с заявлением о восстановлении пропущенного срока на подачу кассационной жалобы на решение суда от 2 сентября 2016 г. и апелляционное определение от 15 декабря 2016 г.

Определением районного суда от 27 июля 2017 г. Т. отказано в удовлетворении заявления о восстановлении пропущенного процессуального срока подачи кассационной жалобы.

Отказывая в удовлетворении указанного заявления, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии уважительных причин пропуска данного срока. При этом суд первой инстанции исходил из того, что Т. при проявлении должной заботливости и осмотрительности, действуя разумно и в своем интересе, имела как право, так и возможность подать кассационную жалобу на

вынесенные по ее гражданскому делу судебные постановления в разумные сроки после вступления решения суда в законную силу и начала исчисления шестимесячного срока на кассационное обжалование. Суд указал, что нахождение Т. в отпуске по уходу за ребенком не может быть расценено в качестве исключительного обстоятельства, препятствовавшего ей в подаче кассационной жалобы в более ранние сроки.

Суд первой инстанции также сослался на то, что, обращаясь с кассационной жалобой за два календарных дня до истечения срока на кассационное обжалование принятых по делу судебных актов, с учетом наличия в Гражданском процессуальном кодексе РФ положений о возможности возвращения кассационной жалобы заявителю без рассмотрения по существу в случае несоответствия ее требованиям ст. 378 ГПК РФ в течение десяти дней со дня поступления такой жалобы в суд кассационной инстанции (ст. 379 ГПК РФ) Т. несла риск последствий возвращения жалобы без рассмотрения по существу в виде пропуска срока на кассационное обжалование, который могла предвидеть при разумной осмотрительности и заботливости. Кроме того, суд принял во внимание, что Т. была оказана квалифицированная юридическая помощь при составлении и подаче кассационной жалобы.

Ввиду изложенного суд первой инстанции сделал вывод о том, что у Т. отсутствовали обстоятельства, объективно препятствующие ей подать кассационную жалобу в президиум суда кассационной инстанции в более ранние сроки, а нахождение заявителя в отпуске по уходу за ребенком к таковым обстоятельствам не может быть отнесено.

Суд апелляционной инстанции, рассмотрев частную жалобу Т. на определение суда первой инстанции об отказе в восстановлении процессуального срока подачи кассационной жалобы, согласился с выводами суда первой инстанции об отсутствии оснований для удовлетворения заявления Т. о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу кассационной жалобы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления об отказе заявителю Т. в восстановлении пропущенного процессуального срока подачи кассационной жалобы и приняла по делу новое судебное постановление об удовлетворении заявления о восстановлении данного срока, указав следующее.

Согласно ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Право на судебную защиту подразумевает создание условий для эффективного и справедливого разбирательства дела, реализуемых в процессуальных формах, регламентированных федеральным законом, а также возможность пересмотреть ошибочный судебный акт в целях восстановления в правах посредством правосудия.

Так, вступившие в законную силу судебные постановления, за исключением судебных постановлений Верховного Суда РФ, могут быть обжалованы в порядке, установленном главой 41 ГПК РФ, в суд кассационной инстанции лицами, участвующими в деле, и другими лицами, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями (ч. 1 ст. 376 ГПК РФ).

В ч. 2 ст. 376 ГПК РФ установлено, что судебные постановления могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции в течение шести меся-

цев со дня их вступления в законную силу при условии, что лицами, указанными в ч. 1 данной статьи, были исчерпаны иные установленные этим Кодексом способы обжалования судебного постановления до дня вступления его в законную силу.

Гарантией для лиц, не имеющих возможности реализовать свое право на совершение процессуальных действий в установленный срок по уважительным причинам, является институт восстановления процессуальных сроков.

В соответствии с ч. 1 ст. 112 ГПК РФ лицам, пропустившим установленный федеральным законом процессуальный срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен.

Частью 4 ст. 112 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ, действовавшей на момент обращения Т. с заявлением о восстановлении пропущенного процессуального срока подачи кассационной жалобы и рассмотрения его судом первой инстанции, было предусмотрено, что заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока, установленного ч. 2 ст. 376, ч. 2 ст. 391² и ч. 2 ст. 391¹¹ ГПК РФ, подается в суд, рассмотревший дело по первой инстанции. Указанный срок может быть восстановлен только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной или надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь лица, подающего жалобу, его беспомощное состояние и другое), и эти обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу.

В абз. 3, 4 и 7 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции” разъяснено, что исходя из положений ч. 4 ст. 112 ГПК РФ пропущенный процессуальный срок, установленный ч. 2 ст. 376 ГПК РФ, может быть восстановлен по заявлению как физического, так и юридического лица и только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной жалобы в установленный срок. В отношении физических лиц, участвующих в деле, к таким обстоятельствам, в частности, могут относиться тяжелая болезнь, беспомощное состояние, иные относящиеся к личности заявителя обстоятельства, а также другие независимые от лица обстоятельства, в силу которых оно было лишено возможности своевременно обратиться с кассационной жалобой в суд. При этом следует иметь в виду, что заявление о восстановлении срока может быть удовлетворено, если обстоятельства, объективно исключающие возможность подачи кассационных жалобы, представления, имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу (ч. 4 ст. 112 ГПК РФ).

Из приведенных норм процессуального права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по их применению следует, что в случае пропуска срока подачи кассационной жалобы он может быть восстановлен судом при наличии уважительных причин, перечень которых содержится в ч. 4 ст. 112 ГПК РФ и не является исчерпывающим. Уважительными причинами могут быть

признаны не только обстоятельства, относящиеся к личности заявителя, такие как тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п., но и обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, добросовестно пользующемуся своими процессуальными правами, реализовать право на обжалование судебного постановления в установленный законом срок. При этом суд также должен учитывать и необходимость для лица, получившего судебный акт, разумного срока для ознакомления с ним и для подготовки документа. Вопрос о возможности восстановления пропущенного процессуального срока решается судом в каждом конкретном случае на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела и оценки представленных сторонами доказательств по правилам, определенным ст.ст. 67, 71 ГПК РФ.

Однако при разрешении заявления заявителя Т. о восстановлении пропущенного процессуального срока на обжалование судебных постановлений в кассационном порядке приведенные нормы процессуального права и разъяснения Пленума суда первой и апелляционной инстанций не были учтены, а вывод судебных инстанций об отсутствии оснований для восстановления этого срока противоречит установленным при разрешении заявления обстоятельствам.

Как видно из материалов дела, 13 июня 2017 г., т.е. в пределах предусмотренного ч. 2 ст. 376 ГПК РФ шестимесячного срока подачи кассационной жалобы, Т. в президиум суда кассационной инстанции была направлена кассационная жалоба на решение суда от 2 сентября 2016 г. и апелляционное определение от 15 декабря 2016 г.

Определением судьи суда кассационной инстанции от 23 июня 2017 г. указанная кассационная жалоба была возвращена заявителю без рассмотрения по существу в связи с несоблюдением требований пп. 5 и 7 ч. 1 и ч. 5 ст. 378 ГПК РФ (указание в просительной части кассационной жалобы неправильной даты вынесения обжалуемого решения суда первой инстанции, наличие карандашных отметок на копии обжалуемого апелляционного определения). В данном определении было разъяснено, что после устранения препятствий, послуживших основаниями для возвращения без рассмотрения по существу жалобы, заявитель вправе вновь обратиться в суд кассационной инстанции с кассационной жалобой с учетом срока, установленного ч. 2 ст. 376 ГПК РФ.

Т. копия определения судьи суда кассационной инстанции от 23 июня 2017 г. была получена 7 июля 2017 г. на почте.

Таким образом, на момент вынесения судьей суда кассационной инстанции определения от 23 июня 2017 г. и получения 7 июля 2017 г. Т. копии этого определения предусмотренный законом шестимесячный срок подачи кассационной жалобы истек, что исключало для Т. возможность совершения дальнейших процессуальных действий, направленных на исправление указанных в определении судьи недостатков, и повторного обращения в суд кассационной инстанции с кассационной жалобой на решение суда от 2 сентября 2016 г. и апелляционное определение от 15 декабря 2016 г., т.е. препятствовало реализации права на судебную защиту в суде кассационной инстанции.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в определениях по жалобам граждан на нарушение права на судебную защиту норма-

ми, регулируемыми порядок обращения в суд с исковыми заявлениями и жалобами, устанавливаемые законодателем требования — при обеспечении каждому возможности обратиться в суд — обязательны для граждан.

Это относится и к нормам, регламентирующим порядок обращения в суд кассационной инстанции, в том числе устанавливающим правило, согласно которому поданные лицами, участвующими в деле, и другими лицами, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями, кассационные жалоба, представление изучаются и рассматриваются судьями, указанными в ст. 380¹ ГПК РФ, при условии соблюдения требований, предусмотренных ст.ст. 376—378 данного Кодекса.

Возвращение кассационной жалобы не препятствует заинтересованным лицам, принимая на себя последствия совершения или несовершенства ими процессуальных прав и обязанностей, своевременно воспользоваться правом на обжалование вступившего в законную силу судебного постановления путем повторной подачи жалобы после устранения недостатков и не лишает заинтересованное лицо права на рассмотрение его жалобы в суде кассационной инстанции по существу (Определение Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 731-О).

Ввиду того, что первоначально кассационная жалоба Т. в президиум суда кассационной инстанции была подана в предусмотренный ч. 2 ст. 376 ГПК РФ шестимесячный срок со дня вступления в силу решения суда первой инстанции (13 июня 2017 г.), на момент окончания этого срока (15 июня 2017 г.) кассационная жалоба Т. с приложенными к ней документами находилась в суде кассационной инстанции, возвращение данной кассационной жалобы имело место по истечении названного процессуального срока (копия определения судьи от 23 июня 2017 г. получена Т. на почте 7 июля 2017 г.), Т. по обстоятельствам, не зависящим от нее, была лишена возможности исправить указанные в определении судьи недостатки и повторно обратиться в суд кассационной инстанции с кассационной жалобой до истечения срока на кассационное обжалование принятых по делу судебных постановлений.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о наличии у Т. уважительных причин пропуска установленного ч. 2 ст. 376 ГПК РФ срока для повторного обращения в президиум суда кассационной инстанции после исправления недостатков кассационной жалобы.

Ссылка суда первой инстанции на то, что, обращаясь с кассационной жалобой за два календарных дня до истечения срока на кассационное обжалование принятых по делу судебных актов, Т. несла риск последствий возвращения жалобы без рассмотрения по существу в виде пропуска срока на кассационное обжалование, который могла предвидеть при разумной осмотрительности и заботливости, противоречит нормам, регламентирующим порядок обращения в суд кассационной инстанции, так как исходя из содержания ч. 2 ст. 376 ГПК РФ судебные постановления могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции в любое время в течение установленных данной нормой шести месяцев со дня вступления обжалуемых судебных постановлений в законную силу. Срок на подачу кассационной жалобы не считается пропущенным, если жалоба, документы были сданы в организацию почтовой свя-

зи до двадцати четырех часов последнего дня срока (ч. 3 ст. 108 ГПК РФ).

Судебная коллегия признала неправильным и указание суда первой инстанции в обоснование вывода об отсутствии уважительных причин пропуска срока, установленного ч. 2 ст. 376 ГПК РФ, на то, что Т. при проявлении должной заботливости и осмотрительности, действуя разумно и в своем интересе, имела как право, так и возможность подать кассационную жалобу на вынесенные по ее гражданскому делу судебные постановления в разумные сроки после вступления решения суда в законную силу и начала исчисления шестимесячного срока на кассационное обжалование.

Судом первой инстанции оставлено без внимания, что к заявлению о восстановлении пропущенного процессуального срока Т. приложена копия удостоверения многодетной семьи, согласно которому у нее имеется трое детей в возрасте до 18 лет, в том числе дочь 2015 года рождения. В судебном заседании 27 июля 2017 г. представитель Т. по доверенности Ш. на вопрос председательствующего о причинах, препятствовавших обращению Т. в суд кассационной инстанции с жалобой в более ранние сроки, пояснила, что Т. ранее не имела возможности собрать все необходимые документы для подачи кассационной жалобы и обратиться за юридической помощью, так как ее супруг в этот период отсутствовал дома в связи с работой вахтовым методом, а она сама находится в отпуске по уходу за малолетним ребенком, которого не с кем оставить (протокол судебного заседания от 27 июля 2017 г.).

В нарушение положений ст. 67 ГПК РФ суд первой инстанции при рассмотрении заявления о восстановлении процессуального срока подачи кассационной жалобы не дал надлежащей оценки всем указанным доводам заявителя и ее представителя, а также совокупности представленных ими доказательств в подтверждение наличия причин, объективно препятствующих подаче Т. кассационной жалобы с соблюдением установленного ч. 2 ст. 376 ГПК РФ срока. Не были устранены эти нарушения и судом апелляционной инстанции при рассмотрении частной жалобы Т. на определение районного суда от 27 июля 2017 г.

Определение № 11-КГ18-17

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о юридических лицах

17. Если после исполнения первой части договора репо в отношении продавца по второй части договора возбуждено конкурсное производство и обязательство по передаче имущества покупателю не исполнено, то продавец по второй части договора не вправе требовать от покупателя уплаты покупной цены в полном объеме.

Между банком и обществом был заключен договор репо с условием об обратном выкупе ипотечных сертификатов участия. После исполнения первой части договора и получения банком сертификатов в отношении банка возбуждено конкурсное производство, сертификаты включены в конкурсную массу банка. Банк обратился в суд с иском к обществу о взыскании долга и процентов, ссылаясь на неисполнение ответчиком второй части договора репо.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным судом и арбитражным судом округа, заявленные истцом требования удовлетворены в полном объеме.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 51³ Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ “О рынке ценных бумаг” (далее — Закон о рынке ценных бумаг) договором репо признается договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется в срок, установленный этим договором, передать в собственность другой стороне (покупателю) ценные бумаги, а покупатель обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (первая часть договора репо), а также обязуется в срок, установленный этим договором, передать ценные бумаги в собственность продавца, а продавец обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (вторая часть договора репо).

В соответствии с п. 3 ст. 420 ГК РФ к обязательствам, возникшим из договора, применяются общие положения об обязательствах (ст.ст. 307—419 ГК РФ), если иное не предусмотрено правилами главы 27 ГК РФ и правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в Гражданском кодексе РФ.

К договору репо применяются соответственно общие положения Кодекса о купле-продаже, если это не противоречит правилам ст. 51³ Закона о рынке ценных бумаг и существу договора репо. При этом продавец по договору репо и покупатель по договору репо признаются продавцами ценных бумаг, которые они должны передать во исполнение обязательств по первой и второй частям договора репо, и покупателями ценных бумаг, которые они должны принять и оплатить во исполнение обязательств по первой и второй частям договора репо (п. 21 ст. 51³ Закона о рынке ценных бумаг).

Договор купли-продажи является двусторонним, встречным, синаллагматическим договором, поскольку исполнение покупателем обязательств по оплате товара обусловлено исполнением продавцом своих обязательств по передаче товара покупателю (п. 1 ст. 328 ГК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 328 ГК РФ в случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков.

Положения п. 2 ст. 328 ГК РФ применимы независимо от того, на ком лежит обязанность по исполнению первым. В случае если лицо, обязанное первым совершить предоставление, обнаруживает признаки, указанные в п. 2 ст. 328 ГК РФ, оно также вправе воспользоваться соответствующими мерами защиты.

Пунктами 16, 16¹ ст. 51³ Закона о рынке ценных бумаг предусмотрены условия, при наличии которых прекращаются обязательства по договору репо в случае неисполнения или ненадлежа-

щего исполнения обязательств по второй части договора репо одной из сторон или обеими сторонами по договору репо либо в случае, если стоимость ценных бумаг, переданных по договору репо, становится больше (меньше) значения, установленного договором репо, или равной ему.

Ввиду того, что для принятия решения по существу спора необходима оценка доказательств и установление обстоятельств, связанных с наличием оснований для приостановления ответчиком встречного исполнения, для прекращения обязательств по договору, обоснованности требований продавца об исполнении обязательств по оплате ценных бумаг в полном объеме по второй части и о привлечении общества к ответственности за неисполнение денежного обязательства, судебные акты отменяются в полном объеме и дело направляется на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 305-ЭС19-4324

Практика применения законодательства о банкротстве

18. Неисполнение бывшим руководителем должника обязанности передать документацию должника вследствие объективных факторов, находящихся вне его контроля, не может свидетельствовать о наличии интереса такого руководителя в сокрытии соответствующей информации и, соответственно, являться основанием для применения презумпции вины в доведении должника до банкротства.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился с заявлением о привлечении его бывшего руководителя к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

По мнению конкурсного управляющего, ответчик, будучи директором должника, не исполнил обязанность по передаче документации должника конкурсному управляющему, возложенную на него определением суда, рассматривающего дело о банкротстве.

Пользуясь установленной ст.ст. 61¹⁰, 61¹¹, 64 и 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) презумпцией, управляющий ссылался на то, что неисполнение бывшим руководителем должника возложенной на него арбитражным судом обязанности передать копии учредительных документов и бухгалтерской документации должника означает вину руководителя в доведении должника до банкротства и перекладывает на него бремя доказывания обратного.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление управляющего удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты, направила обособленный спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Ссылка судов на положения ст.ст. 61¹⁰ и 61¹¹ Закона о банкротстве являлась ошибочной, сделанной без учета того, что в период совершения ответчиком вменяемых ему неправомерных действий законодателем еще не была принята глава III² Закона о банкротстве, а отношения по привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности регулировались, в первую очередь, положениями ст. 10 данного Закона.

Однако с учетом того факта, что предусмотренное ст. 10 Закона о банкротстве (в ред. Федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ) такое основание для привлечения к субсидиарной ответственности, как “признание должника несостоятельным вследствие поведения контролирующих лиц”, по существу, незначительно отличается от предусмотренного действующей в настоящее время ст. 61¹¹ Закона основания ответственности в виде “невозможности полного погашения требований кредитора вследствие действий контролирующих лиц”, а потому значительный объем разъяснений норм материального права, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве”, может быть применен и к ст. 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ.

При этом как ранее, так и в настоящее время процесс доказывания обозначенных выше оснований привлечения к субсидиарной ответственности был упрощен законодателем для истцов посредством введения соответствующих опровержимых презумпций, при подтверждении условий которых предполагается наличие вины ответчика в доведении должника до банкротства, и на ответчика перекладывается бремя доказывания отсутствия оснований для удовлетворения иска. При этом как ранее, так и в настоящее время действует презумпция, согласно которой отсутствие (непередача руководителем арбитражного управляющего) финансовой и иной документации должника, существенно затрудняющее проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, указывает на вину руководителя. Смысл этой презумпции состоит в том, что руководитель, уничтожая, искажая или производя иные манипуляции с названной документацией, скрывает данные о хозяйственной деятельности должника. Предполагается, что целью такого сокрытия, скорее всего, является лишение арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов возможности установить факты недобросовестного осуществления руководителем или иными контролирующими лицами своих обязанностей по отношению к должнику. Кроме того, отсутствие определенного вида документации затрудняет наполнение конкурсной массы, например, посредством взыскания дебиторской задолженности, возврата незаконно отчужденного имущества. Именно поэтому предполагается, что непередача документации указывает на наличие причинно-следственной связи между действиями руководителя и невозможностью погашения требований кредиторов.

Однако, когда передача документации становится невозможной ввиду объективных факторов, находящихся вне сферы контроля директора, соответствующая презумпция применена быть не может. В частности, подобная объективная невозможность исполнения руководителем обязанности по передаче арбитражному управляющему документации должника возникает при изъятии документации должника правоохранительными органами.

Поскольку на наличие именно подобных объективных препятствий и ссылался бывший руководитель должника при рассмотрении настоящего обособленного спора, обращая, в частности, внимание на то, что в материалах дела имеется его запрос в УЭБ и ПК ГУ МВД, а также

ответ указанного выше органа, согласно которому полномочия ответчика как руководителя должника прекращены, в силу чего ему не может быть предоставлена информация о следственных действиях, применение презумпции ст.ст. 61¹⁰, 61¹¹, 64 и 126 Закона о банкротстве противоречит выраженному в ней смыслу и искажает существо действующего регулирования.

Кроме того, суды не дали должной оценки тому, что конкурсный управляющий как лицо, осуществляющее полномочия руководителя должника и иных органов управления согласно п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве, для решения задач, возложенных на него этим Законом, имел возможность обратиться в правоохранительные органы с требованием о выдаче копий изъятых документов, а при отказе — просить содействия в получении документации у суда, рассматривающего дело о банкротстве, применительно к правилам ч. 4 ст. 66 АПК РФ, однако соответствующие действия не предпринял и вместо этого, зная о совершении в отношении должника следственных действий, направил заявление о привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности.

Равным образом руководитель должника, также зная о совершении правоохранительными органами следственных действий, в ответ на запросы управляющего о предоставлении документации не ссылаясь на ее изъятие, а заявил соответствующее возражение только в рамках данного обособленного спора.

Судам ввиду изложенного выше надлежало исследовать причины подобного поведения управляющего и ответчика и оценить их действия на предмет разумности и добросовестности (ст. 10 ГК РФ, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”).

Определение № 305-ЭС19-10079

19. Акты взаимозачета не могут быть оспорены по правилам об оспаривании сделок, совершенных с предпочтением (ст. 61¹ Закона о банкротстве), если они носят сверочный характер и констатируют объем исполненного каждой стороной в рамках одного обязательства при эквивалентности встречных предоставлений.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительными актов взаимозачета задолженности, заключенных должником с одним из его конкурсных кредиторов и направленных на погашение встречных требований, вытекающих из разных договоров (договор подряда, по которому должник выступал в роли подрядчика, и договор долевого участия, по которому должник выступал в роли покупателя) соответствующих сторон.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено. Суды исходили из того, что оспариваемая сделка зачета совершена после возбуждения дела о банкротстве с предпочтением по отношению к требованиям иных кредиторов, которые впоследствии не были удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменив принятые по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Между сторонами было подписано два договора:

договор подряда, на основании которого должник выполнял работы по строительству жилых домов, а общество было обязано оплачивать выполненные работы;

договор участия в долевом строительстве, по условиям которого основное исполнение осуществляло уже общество, являясь обязанным передать квартиры должнику, на последнем лежала обязанность по оплате данных квартир.

Кроме того, продаваемые квартиры находились в тех домах, которые строил должник по условиям договора подряда. При этом из материалов дела следует, что в разделе договора подряда, посвященном оплате выполненных работ, указано на то, что застройщик (общество) передает подрядчику (должнику) права на часть квартир в объекте — жилом доме, подлежащем возведению. Равным образом в договорах участия в долевом строительстве имеется указание на то, что уплата участником строительства (должником) цены договора возможна путем зачета встречных однородных требований по каждому акту приемки выполненных работ.

Таким образом, несмотря на подписание нескольких документов, в действительности воля сторон (ст. 431 ГК РФ) была направлена на установление между ними единой договорной связи с двумя основными встречными обязанностями: со стороны должника — строительство домов; со стороны общества — передача части квартир (прав на квартиры).

При этом обязанность по расчету за основное исполнение являлась для каждого контрагента альтернативной: как действия по передаче результата выполненных работ могли носить расчетный характер по отношению к полученным правам на квартиры, так и передача квартир могла иметь аналогичный эффект в отношении выполненных работ.

Подобное оформление отношений может быть обусловлено особенностями правовой конструкции договоров участия в долевом строительстве. В частности, как пояснил представитель общества, разделение договора на несколько документов упрощало процедуру государственной регистрации договора участия в долевом строительстве.

Исходя из дат, в которые между сторонами подписывались оформляющие их договор документы, следует заключить, что выполнение должником подрядных работ являлось первоначальным исполнением по договору; затем стороны подписывали договоры участия в долевом строительстве, по которым передавались права на квартиры стоимостью, соотносимой с ценой выполненных работ; и затем уже стороны подписывали оспариваемые акты взаимозачета.

В такой ситуации оспариваемые документы, поименованные как акты взаимозачета, фактически констатировали объем осуществленного обеими сторонами исполнения по договору, внося определенность в состояние расчетов между ними.

Подобные акты сами по себе не влекли наступление правовых последствий, не опосредовали выбытие из имущественной сферы должника какого-либо актива, а носили сверочный характер, поэтому они не могут быть оспорены в качестве самостоятельных сделок в рамках дела о банкротстве (ст. 61¹ Закона о банкротстве, ст. 153 ГК РФ). При этом исполнение должника по единому

договору являлось не последующим, а первоначальным, прежде всего он выполнял работы, а уже затем происходил расчет с ним посредством передачи прав на квартиры, т.е. в данной ситуации отсутствовал признак предпочтения (ст. 61³ Закона о банкротстве). В то же время конкурсный управляющий эквивалентность осуществляемых по договору предоставлений под сомнение не ставил.

Таким образом, у судов не имелось оснований для признания спорных актов взаимозачета или действий должника по исполнению договора недействительными.

Определение № 305-ЭС19-10064

20. Установленное п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве правило о том, что при подаче должником заявления о собственном банкротстве он не вправе предлагать саморегулируемую организацию и кандидатуру арбитражного управляющего, подлежит применению по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ) в ситуации, когда кандидатура управляющего и саморегулируемая организация управляющих предложены заявителем по делу о банкротстве, аффилированным по отношению к должнику или имеющим возможность иным образом определять его действия.

Единственным участником общества принято решение о ликвидации этой организации, ликвидатором назначен А. Впоследствии судом возбуждено дело о банкротстве общества по заявлению кредитора, предложившего утвердить в качестве арбитражного управляющего аффилированного с кредитором и с ликвидатором общества Б.

Отклоняя данную кандидатуру, суд первой инстанции исходил из того, что действия заявителя по делу о банкротстве, ликвидатора должника А. и арбитражного управляющего Б. являлись согласованными и были направлены на преодоление установленного п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве специального порядка выбора саморегулируемой организации, из числа членов которой подлежит утверждению конкурсный управляющий должником. В связи с этим судом с учетом особенностей рассмотрения дел о несостоятельности, возбужденных по заявлению самого должника или аффилированного с ним лица, посредством случайного выбора саморегулируемой организации арбитражных управляющих арбитражным управляющим в деле о банкротстве общества определен В.

Постановлением апелляционного суда, поддержанным постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции изменено в части утверждения арбитражного управляющего, конкурсным управляющим должником утвержден Б., в остальной части судебный акт оставлен без изменения. По мнению вышестоящих судов, в деле отсутствуют прямые доказательства заинтересованности Б. по отношению к кредитору общества, вследствие чего решение суда первой инстанции нарушает права и законные интересы последнего.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, оставив в силе решения суда первой инстанции, по следующим основаниям.

В соответствии с п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве должник при подаче заявления о собственном банкротстве не вправе предлагать саморегулируемую организацию и кандидатуру арбитражного управляющего.

Поскольку данное правило установлено законодателем в целях предотвращения конфликта интересов арбитражного управляющего и созда-

ния гарантий того, что он не будет в приоритетном порядке отстаивать интересы должника в ущерб интересам гражданско-правового сообщества, оно подлежит применению по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ) и в ситуации, когда кандидатура управляющего, саморегулируемая организация предложены заявителем по делу о банкротстве, аффилированным по отношению к должнику или имеющим возможность иным образом определять его действия. Данная правовая позиция содержится в п. 27¹ Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2016 г. (в редакции от 26 декабря 2018 г.).

В рассматриваемом случае суд первой инстанции установил, что ликвидатор должника А. и арбитражный управляющий Б., предложенный кредитором-заявителем в деле о банкротстве общества, использовали один и тот же абонентский ящик для переписки с третьими лицами и приема от них корреспонденции; что ранее А., обращаясь с заявлением о признании банкротом другого хозяйствующего общества, предложил утвердить арбитражным управляющим Б., а также что в рамках того дела интересы арбитражного управляющего Б. представлял кредитор-заявитель по настоящему делу о банкротстве общества.

Поскольку, несмотря на неоднократные предложения суда представить дополнительные письменные объяснения о возможности утверждения Б. конкурсным управляющим в рамках настоящего дела о банкротстве ликвидируемого общества, кредитор, располагающий всем объемом информации об отношениях и договоренностях с арбитражным управляющим Б. и ликвидатором А., отказался раскрыть мотивы своего выбора, подобный отказ следовало квалифицировать как признание факта заинтересованности. Это, в свою очередь, позволяет говорить о наличии косвенных доказательств связанности кредитора, ликвидатора должника А. и арбитражного управляющего Б. и, следовательно, об ошибочности отказа судов апелляционной и кассационной инстанций считать доказанным факт независимости указанных лиц в ситуации возникновения у суда первой инстанции обоснованных в нем сомнений (ч. 2 ст. 9 и ч. 1 ст. 65 АПК РФ).

Определение № 301-ЭС19-12957

21. Поскольку процедура реализации имущества гражданина, признанного банкротом, не погашает все оставшиеся неудовлетворенными требования кредиторов, в частности требования, при возникновении и исполнении которых должник действовал недобросовестно, кредиторы по оставшимся непогашенными требованиям, не подпадающим под положения пп. 5 и 6 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве, вправе обратиться в суд с заявлением о выдаче по ним исполнительных листов.

Кредиторы признанного банкротом гражданина обратились в арбитражный суд с заявлениями о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение той части их требований, которые не были удовлетворены в ходе процедуры реализации имущества гражданина, завершённой без освобождения последнего от дальнейшего исполнения своих обязательств перед кредиторами.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявлений отказано. Суды посчитали, что выдача исполнительных листов по требованиям, которые не были испол-

нены в рамках процедуры реализации имущества гражданина-банкрота, предусмотрена только по требованиям, перечисленным в пп. 5 и 6 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве, и что в отношении остальных требований имеется квалифицированное умолчание законодателя, указывающее на то, что даже в условиях неосвобождения гражданина от долгов исполнительные листы по ним не выдаются.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ приняты по делу судебные акты отменила и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

По смыслу пп. 4—6 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве предъявляемые к должнику требования могут быть поделены на два основных вида в зависимости от того, допустимо ли их списание (прекращение соответствующего обязательства) по завершении процедуры реализации, а именно:

1) от требований, указанных в пп. 5 и 6 данной статьи, должник не может быть освобожден, в то время как

2) п. 4 предусматривает возможность списания остальных долгов, если только не будет доказано, что при возникновении или исполнении обязательств перед кредиторами должник действовал недобросовестно (в частности, осуществлял действия по сокрытию своего имущества, воспрепятствованию деятельности арбитражного управляющего и т.п.). Требования кредиторов, в отношении которых должник проявил недобросовестность, сохраняют силу и могут быть предъявлены после окончания производства по делу о банкротстве.

Хотя для последнего вида требований законодатель и не определил механизм реализации требований кредиторов к должнику после процедуры несостоятельности, это не означает, что подобное отсутствие законодательного регулирования не может быть восполнено посредством применения положений п. 5 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве к ситуациям неосвобождения от обычных долгов по аналогии (ч. 6 ст. 13 АПК РФ).

Вопреки выводам судов само по себе отсутствие прямого законодательного регулирования не свидетельствует о наличии запрета на выдачу исполнительных листов. Они могли быть выданы судом исходя из общих начал процессуального законодательства, даже если бы п. 5 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве не предусматривал возможность их выдачи в схожих ситуациях.

Согласно ч. 1 ст. 319 АПК РФ исполнительный лист на основании судебного акта, принятого арбитражным судом первой инстанции, выдается этим арбитражным судом. По своей правовой природе судебные акты о включении требований в реестр обладают сходством с принимаемыми в рамках общеискового производства судебными актами о взыскании долга. Таким образом, основанием для выдачи исполнительного листа по завершении дела о банкротстве являются именно судебные акты о включении требований в реестр.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” в исполнительном документе должна быть указана резолютивная часть судебного акта, содержащая требование о возложении на должника обязанности по передаче взыскателю денежных средств и иного имущества либо совершению в пользу взыскателя определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий. Применительно к рассматриваемым отношениям с учетом разъяснений

п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 “О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан” это регулирование означает, что, выдавая исполнительный лист после завершения дела о банкротстве, суд указывает в нем информацию о возложении на должника обязанности передать взыскателю денежные средства в размере суммы, включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в рамках процедур банкротства. Вопрос о выдаче исполнительных листов по таким требованиям разрешается арбитражным судом по ходатайству заинтересованных лиц в судебном заседании.

Определение № 307-ЭС16-12310(4)

Практика применения земельного законодательства

22. Отсутствие уведомления от арендодателя об изменении регулируемой арендной платы, которое арендодатель должен направить в соответствии с условиями договора, не освобождает арендатора от обязанности заплатить за аренду в размере, установленном соответствующими нормативными правовыми актами, но при этом в силу положений ст. 406 ГК РФ позволяет ему оспаривать правомерность начисления арендодателем неустойки за нарушение сроков внесения этой платы.

Уполномоченный орган (далее — департамент) и организация заключили договор аренды земельного участка, право государственной собственности на который не разграничено, для использования административно-учебного здания организации, согласно которому при определении размера арендной платы за пользование земельным участком используется формула расчета арендной платы, установленная Положением о порядке определения базовых размеров арендной платы за землю в г. Ростове-на-Дону, утвержденным постановлением мэра города Ростова-на-Дону от 15 апреля 2004 г. № 555 (в редакции от 11 мая 2005 г.), с применением коэффициентов, действовавших на момент заключения договора. В формуле расчета применены следующие коэффициенты: индексации ставок земельного налога, кратности, учитывающий вид использования земель, зоны градостроительной деятельности, а также средняя ставка земельного налога. Размер годовой платы — 4951 руб. определен путем перемножения значений соответствующих спорному участку коэффициентов, ставки земельного налога и площади участка. Арендная плата подлежит внесению арендатором ежеквартально равными частями (1/4) от общей суммы платы за один год не позднее 20 числа последнего месяца квартала. Первый платеж вносится арендатором до 20 числа последнего месяца квартала, в котором заключен договор. За нарушение срока внесения арендной платы договором предусмотрена ответственность арендатора в виде пеней из расчета 1/300 ставки рефинансирования Банка России от размера невнесенной арендной платы за каждый календарный день просрочки.

Стороны также установили, что размер арендной платы изменяется по уведомлению арендодателя ежегодно путем корректировки индекса инфляции на текущий финансовый год в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год и не чаще одного раза в год при изменении базовой ставки арендной платы. Иные существенные изменения, в том числе изменение значений и ко-

эффициентов, используемых в расчете арендной платы, вносимые в договор аренды, оформляются дополнительными соглашениями. Арендодатель обязан своевременно производить перерасчет арендной платы и информировать об этом арендатора.

Департамент обратился в арбитражный суд с иском к организации о взыскании задолженности по арендной плате за период с 1 января 2006 г. по 31 декабря 2017 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано в связи с пропуском истцом срока исковой давности по требованию за период с 1 января 2006 г. по первый квартал 2015 г., а за остальной период — в связи с неисполнением департаментом обязанности по уведомлению арендатора об изменении размера арендной платы и непредставлением результатов рыночной оценки стоимости пользования земельным участком.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно подп. 7 п. 1 ст. 1 и п. 1 ст. 65 ЗК РФ любое использование земли осуществляется за плату, за земли, переданные в аренду, взимается арендная плата.

В силу п. 1 ст. 424 ГК РФ, п. 3 ст. 65 ЗК РФ (в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г.) и ст. 397 ЗК РФ (в действующей редакции) плата за пользование спорным публичным участком относится к категории регулируемых цен.

В соответствии с абз. 3 п. 10 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” (в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г.) распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, в поселениях, являющихся административными центрами (столицами) субъектов Российской Федерации, осуществляется органами местного самоуправления указанных поселений, если законами соответствующих субъектов Российской Федерации не установлено, что распоряжение такими земельными участками осуществляется исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности.

Согласно п. 3 ст. 397 ЗК РФ, вступившей в законную силу с 1 марта 2015 г., если иное не установлено данным Кодексом или другими федеральными законами, порядок определения размера арендной платы в отношении земельных участков, находящихся в собственности субъекта Российской Федерации, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, устанавливается органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Положениями ст. 10¹ ЗК РФ, введенной в действие с 9 января 2015 г., предусмотрено, что полномочия органов местного самоуправления и органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области земельных отношений, установленные данным Кодексом, могут быть перераспределены между ними в порядке, предусмотренном ч. 1² ст. 17 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих

принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”.

В соответствии с приведенными нормами Земельного кодекса РФ, действующим в настоящее время, постановлением правительства Ростовской области от 2 марта 2015 г. № 135 “Об арендной плате за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, и земельных участков, находящихся в государственной собственности Ростовской области” (далее — постановление № 135) полномочиями по установлению порядка определения арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена в Ростовской области, наделено правительство Ростовской области, а полномочиями по определению размера арендной платы по видам использования наделены органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (п. 1 приложения № 1 “Порядок определения размера арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена” к постановлению № 135). В г. Ростове-на-Дону нормативные правовые акты о порядке расчета арендной платы за указанные земли до 2012 года были утверждены мэром города, а с 2012 года такие акты принимает администрация г. Ростова-на-Дону.

Как разъяснено в пп. 16 и 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 “Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды” (в редакции постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 января 2013 г. № 13), к договору аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, заключенному после вступления в силу Земельного кодекса РФ, п. 3 ст. 65 которого предусматривает необходимость государственного регулирования размера арендной платы, подлежит применению порядок определения размера арендной платы, устанавливаемый уполномоченным органом, даже если в момент его заключения такой порядок еще не был установлен. Изменения регулируемой арендной платы (например, изменения формулы, по которой определяется размер арендной платы, ее компонентов, ставок арендной платы и т.п.) по общему правилу применяются к отношениям, возникшим после таких изменений. Арендодатель по договору, к которому подлежит применению регулируемая арендная плата, вправе требовать ее внесения в размере, установленном на соответствующий период регулирующим органом без дополнительного изменения договора аренды.

Так как договор аренды публичного земельного участка заключен с организацией после введения в действие указанного Кодекса не по результатам торгов, арендная плата по нему является регулируемой и подлежит расчету на основании нормативных правовых актов, которые в спорный период устанавливали порядок определения размера арендной платы за землю в г. Ростове-на-Дону.

Кроме того, стороны и в договоре аренды предусмотрели порядок исчисления арендной платы на основании таких нормативных правовых актов, а также право арендодателя пересчитывать арендную плату в связи с изменением действующего законодательства и указанных нормативных правовых актов.

При таком положении неверны выводы судов о том, что, поскольку департамент не направлял арендатору уведомления об изменении арендной платы в связи с изменением нормативных правовых актов, регулирующих порядок расчета такой платы, и не заключил с ним дополнительных соглашений об изменении договора в части размера арендной платы, истец не вправе требовать взыскания с организации платы за пользование земель в размере, установленном такими актами, и поэтому ответчик должен платить за аренду в год в размере 4951 руб., определенном при заключении договора в 2005 году.

Следует отметить, что, поскольку спорным договором предусмотрена обязанность арендодателя своевременно производить перерасчет арендной платы и информировать об этом арендатора, неисполнение такой обязанности и ненаправление арендатору уведомления об изменении арендной платы не освобождают арендатора от обязательства заплатить за аренду в размере, установленном соответствующими нормативными правовыми актами, но при этом в силу положений ст. 406 ГК РФ позволяют ему оспаривать правомерность начисления арендодателем неустойки за нарушение сроков внесения платы.

В материалы дела департамент представил подробный расчет испрашиваемой задолженности по арендной плате и пояснения с указанием действовавших в спорный период нормативных правовых актов, регулировавших порядок определения и расчета платы за использование публичных земельных участков в г. Ростове-на-Дону, в соответствии с которыми для расчета размера арендной платы на год за использование предоставленного без торгов участка собственнику расположенного на нем объекта недвижимости (здания, сооружения) установлена специальная формула и не предусмотрено определение платы исходя из рыночной стоимости права аренды таких участков. Однако в нарушение требований ст. 71 АПК РФ суды представленные истцом документы не исследовали, не проверили расчет долга организации по арендной плате на соответствие нормативным правовым актам, регулирующим порядок расчета арендной платы в г. Ростове-на-Дону, а также, необоснованно сославшись на п. 11 приложения № 2 “Порядок определения арендной платы за использование земельных участков, находящихся в государственной собственности Ростовской области” к постановлению № 135, неправильно посчитали, что размер арендной платы за спорный участок, предоставленный организации как собственнику административно-учебного здания, подлежит определению по результатам рыночной оценки стоимости пользования спорным участком.

Определение № 305-ЭС19-12083

23. В случае расторжения договора аренды и утраты интереса арендатора в исполнении судебного акта собственник земельного участка вправе заявить о процессуальном правопреемстве по иску арендатора к третьему лицу об устранении нарушения права пользования земельным участком, не связанного с лишением владения.

Завод, являясь арендатором земельного участка, обратился в суд с иском к компании об обязанности в течение семи дней с момента вступления решения суда в законную силу за свой счет произвести демонтаж находящейся на земельном участке части асфальтосмесительной установки. Собственник земельного участка — арендодатель (далее — комитет) участвовал в рассмотрении

спора в качестве третьего лица без самостоятельных требований, против удовлетворения иска не возражал.

Решением суда первой инстанции отказано в требовании к компании, но удовлетворено к привлеченному по делу второму ответчику — обществу, который приобрел у первого ответчика спорное имущество. На общество возложена обязанность в течение семи дней с момента вступления решения суда в законную силу осуществить демонтаж расположенной на спорном земельном участке части асфальтосмесительной установки. При неисполнении обществом решения суда завод предоставлено право самостоятельно либо с привлечением сторонней организации осуществить демонтаж части названной асфальтосмесительной установки и ее вывоз с участка.

Впоследствии в связи с неоднократными нарушениями заводом условий договора аренды о внесении арендных платежей комитет обратился в суд за расторжением указанного договора, решением суда по другому делу договор аренды был расторгнут.

Комитет обратился в суд с заявлением о замене завода в качестве истца в исполнительном производстве по делу о демонтаже асфальтосмесительной установки, так как в настоящее время комитет расторг с заводом договор аренды; завод не заинтересован в исполнении судебного акта об освобождении земельного участка; для заключения договора аренды с иным лицом необходимо освобождение земельного участка; он имеет такую же заинтересованность в освобождении земельного участка, что и завод (при обращении в суд с иском по этому делу), а также в исполнении вступившего в законную силу судебного акта.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления о процессуальном правопреемстве отказано. Суды указали, что правовой интерес завода, ранее являвшегося стороной договора аренды земельного участка, по освобождению земельного участка от имущества третьих лиц с прекращением договора аренды не утрачен, заводом реализуются права взыскателя по исполнительному производству.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пункт 1 ст. 48 АПК РФ предусматривает основания и порядок замены стороны ее правопреемником в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном судебным актом арбитражного суда правоотношении.

Суды, отказывая в правопреемстве со ссылкой на Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 г. № 43 “По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского”, не учли, что институт правопреемства, по мнению Конституционного Суда РФ, направлен на установление дополнительных процессуальных гарантий; процессуальное правопреемство возможно не только для случаев перемены лиц в обязательствах (т.е. обязательственной природы спорного или установленного судом правоотношения), но и для спорных или установленных судом абсолютных (в частности, вещных) правоотношений. В каче-

стве общего правила, которое определяет возможность процессуального правопреемства, возникающего на основе правопреемства материально-правового, федеральный законодатель закрепил изменение субъектного состава спорного правоотношения — выбытие одной из его сторон. Процессуальное правопреемство должно обеспечивать не только рассмотрение дела с участием последующих правопреемников сторон по делу (истца или ответчика), которым переходят их права и обязанности в материальном правоотношении, но и исполнение принятого по делу судебного акта в случае удовлетворения иска, но уже в пользу правопреемника истца, заинтересованного в этом исполнении.

Из материалов дела следует, что комитет и завод ранее связывал договор аренды земельного участка. Обращение арендатора с требованием по настоящему делу не противоречит положениям ст. 305 ГК РФ, допускающей вещно-правовые способы защиты арендатором имущества, переданного ему его собственником, от незаконного посягательства иных лиц. Расторжение договора аренды в соответствии с п. 1 ст. 622 ГК РФ влечет обязанность арендатора вернуть комитету земельный участок с прекращением всех ранее имевшихся у завода прав, обусловленных договором аренды. Указанная обязанность была возложена на истца судебным актом. Прекращение договора аренды с заводом, ненадлежащим образом осуществлявшим свои обязанности, позволило бы распорядиться этим земельным участком комитету, на которого возложены полномочия по управлению неразграниченными землями и который в связи с длительным неисполнением судебного акта обществом и самим заводом, на который также были возложены обязанности по освобождению земельного участка, становится, по существу, единственным лицом, заинтересованным в исполнении этого судебного акта.

Из изложенного выше следует, что факт прекращения договора аренды земельного участка свидетельствует о наличии изменений в абсолютном (вещном) правоотношении, земельный участок лишился обременения и управомоченным лицом в отношении его является только комитет.

При этом интерес завода в освобождении земельного участка при его обращении в суд совпадает с интересом комитета, добивающегося правопреемства с целью исполнения принятого по делу положительного решения.

Установленные по делу обстоятельства не позволяют согласиться с доводом завода о сохранении за ним прав взыскателя, поскольку они не основаны на нормах материального права, более того, такой подход, напротив, создает препятствия в исполнении судебного акта и нарушает права собственника земельного участка.

Судебная коллегия также считает обоснованным довод комитета о наличии у него процессуальной возможности вступить в дело, выбирая по своему усмотрению формы и способы защиты своих прав, не запрещенные законом, не обращаясь в суд с самостоятельным иском об освобождении земельного участка. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 ноября 2018 г. № 43 применительно к институту процессуального правопреемства, участнику спорных правоотношений не может быть отказано в использовании механизма процессуального правопреемства лишь в силу того, что ему доступны

иные варианты защиты своего права, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством. Как обратил внимание Конституционный Суд РФ, процессуальное правоприменение позволяет оптимизировать сроки рассмотрения дел и использовать доказательства, представленные на момент вступления в процесс нового лица, которое связано процессуальными действиями, совершенными его предшественником, предотвратить утрату собранных доказательств, а значит, необходимость собирать их заново, исключить неоправданные судебные расходы ради повторного достижения уже достигнутых результатов, а также сохранить баланс прав и законных интересов сторон гражданского судопроизводства, защитив права не только истца, но и ответчика, для которого отчуждение имущества истцом не создаст угрозы быть привлеченным к делу по иску нового собственника, основанному на тех же обстоятельствах, в самостоятельном процессе.

Определение № 309-ЭС19-6328

24. Принцип, закрепленный в абз. 8 постановления Правительства РФ “Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации” (принцип № 7), применяется исключительно в случаях аренды земельных участков, относящихся к перечню, установленному п. 5 ст. 27 ЗК РФ (земельные участки, ограниченные в обороте).

Администрация муниципального образования (далее — администрация) обратилась в арбитражный суд с иском к обществу об обязанности заключить договор аренды земельного участка на условиях, предложенных администрацией.

Решением суда первой инстанции требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, исковые требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции изменено в части урегулирования разногласий по размеру арендной платы, договор дополнен абзацем: “Итоговый размер арендной платы, указанный в настоящем пункте, не может превышать размер земельного налога, установленный в отношении предназначенных для использования в сходных целях и занимаемых зданиями, сооружениями земельных участков, для которых отсутствуют ограничения права на приобретение в собственность земельного участка.” Суд руководствовался положениями п. 3 ст. 39²⁰ ЗК РФ, в соответствии с которым, если помещения в здании, сооружении, расположенных на неделимом земельном участке, принадлежат одним лицам на праве собственности, другим лицам на праве хозяйственного ведения и (или) оперативного управления либо на неделимом земельном участке расположены несколько зданий, сооружений, принадлежащих одним лицам на праве собственности, другим лицам на праве хозяйственного ведения и (или) оперативного управления, такой земельный участок может быть предоставлен этим лицам в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора. Учитывая наличие в здании помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальному образованию и закрепленных на праве оперативного управления за учреждением, а также иных помещений, находящихся в частной собственности у общества и фи-

зического лица, арбитражный суд округа пришел к выводу, что у этих лиц имеются ограничения на право приобретения земельного участка в собственность, который может быть предоставлен только в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора. При указанных обстоятельствах размер арендной платы должен определяться в соответствии с принципом учета наличия предусмотренных законодательством Российской Федерации ограничений права на приобретение в собственность земельного участка, занимаемого зданием, сооружением, собственником этого здания, сооружения и не должен превышать размер земельного налога, установленного в отношении предназначенных для использования в сходных целях и занимаемых зданиями, сооружениями земельных участков, для которых указаны ограничения права на приобретение в собственность отсутствуют (принцип № 7, закрепленный постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 “Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации” (с изменениями, внесенными постановлением от 5 мая 2017 г. № 531).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа в части изменения постановления суда апелляционной инстанции и в указанной части оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Как предусматривает п. 3 ст. 129 ГК РФ, земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах. Земельный кодекс РФ содержит норму — ст. 27, регулиющую ограничение оборотоспособности земельных участков, которая устанавливает в п. 4 случаи изъятия из оборота земельных участков, а в п. 5 — ограничения в обороте земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

В силу п. 1 ст. 39⁷ ЗК РФ размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, определяется в соответствии с основными принципами определения арендной платы, установленными Правительством РФ.

Постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 среди прочих закреплена принцип учета наличия предусмотренных законодательством Российской Федерации ограничений права на приобретение в собственность земельного участка, занимаемого зданием, сооружением, собственником этого здания, сооружения, в соответствии с которым размер арендной платы не должен превышать размер земельного налога, установленный в отношении предназначенных для использования в сходных целях и занимаемых зданиями, сооружениями земельных участков, для которых указаны ограничения права на приобретение в собственность отсутствуют (принцип № 7).

Приказом Минэкономразвития России от 29 декабря 2017 г. № 710 утверждены Методические рекомендации по применению основных

принципов определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582.

Пунктом 30 раздела VIII указанных Методических рекомендаций разъяснено, что в целях применения принципа № 7 при определении арендной платы за земельные участки следует исходить из необходимости учета интересов лиц, являющихся собственниками зданий, сооружений, расположенных на земельных участках, отнесенных законодательством Российской Федерации (п. 5 ст. 27 ЗК РФ) к землям, ограниченным в обороте, предоставление которых в собственность не допускается. В указанном случае при определении размера арендной платы за земельный участок целесообразно основываться на размере земельного налога, исчисляемого в отношении земельного участка, расположенного в том же муниципальном образовании, что и земельный участок, размер арендной платы за который определяется, используемого для сходных целей собственниками расположенных на нем зданий, сооружений и не отнесенного к землям, ограниченным в обороте (с учетом положений п. 1 ст. 387 НК РФ). Как установили суды, вид разрешенного использования спорного земельного участка — под здание спортивной школы, в связи с чем суд апелляционной инстанции обоснованно пришел к выводу, что он не относится к землям, ограниченным в обороте в соответствии с п. 5 ст. 27 ЗК РФ.

В отсутствие в Земельном кодексе РФ оснований для признания в спорном случае такого земельного участка ограниченным в обороте Судебная коллегия принимает также во внимание наличие между сторонами другого дела, в котором с учетом исследования обстоятельств настоящего спора было дано толкование возможности применения принципа № 7 при определении арендной платы обществу. Верховным Судом РФ в решении от 12 сентября 2018 г. по делу

№ АКПИ18-667, оставленном без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 декабря 2018 г. по делу № АПЛ18-523, рассмотренному по обращению общества, было дано толкование указанного принципа. Суд пришел к выводу о его применении исключительно в случаях аренды земельных участков, относящихся к перечню, прямо установленному п. 5 ст. 27 ЗК РФ (земельные участки, ограниченные в обороте).

Вопрос о применении льготной арендной платы для лиц, заключающих договор аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, урегулирован законодателем в п. 5 ст. 39⁷ ЗК РФ. Согласно подп. 4 п. 5 ст. 39⁷ ЗК РФ размер арендной платы за земельный участок не может превышать размер земельного налога в случае заключения договора аренды в соответствии с пп. 3 или 4 ст. 39²⁰ названного Кодекса с лицами, которым находящиеся на неделимом земельном участке здания, сооружения, помещения в них принадлежат на праве оперативного управления.

Таким образом, законодатель установил перечень лиц, имеющих право на льготное исчисление арендной платы при заключении договора с множественностью лиц на стороне арендатора в порядке п. 3 ст. 39²⁰ ЗК РФ, — к таковым отнесены исключительно лица, владеющие зданиями, сооружениями, помещениями в них на праве оперативного управления.

Для иных правообладателей (собственников помещений и лиц, которым помещения принадлежат на праве хозяйственного ведения) законом не предусмотрено аналогичного правила, в связи с чем размер арендной платы определяется с учетом положений пп. 1, 3 ст. 39⁷ ЗК РФ.

Определение № 309-ЭС19-1374

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
29 декабря 2019 г.)*

(Окончание в следующем номере)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Дзыбан А.А.**,
Журавлева Е.М., **Момотов В.В.**, **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Свириденко О.М., **Хаменков В.Б.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 29.05.2020.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,23. Тираж 8362 экз. Заказ 50-2020.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 43, корп. 3, эт. 11, пом. XXVI, комн. 13К.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
